

18+

Сергей Аксу

НЕТ НА ЗЕМЛЕ ТВОЕГО КОРОЛЯ

Роман о любви

Сергей Аксу

**Нет на земле твоего
короля. Роман о любви**

«Издательские решения»

Аксу С.

Нет на земле твоего короля. Роман о любви / С. Аксу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605324-3

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся... Иногда. А иногда не успевают, потому что даже самая сильная любовь не может уберечь от неожиданных поворотов судьбы. А между тем жизнь продолжается, и рядом друзья, и на какую-то долю секунды вдруг кажется, что счастье все же есть. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-605324-3

© Аксу С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нет на земле твоего короля

Роман о любви

Сергей Аксу

Фотограф Сергей Аксу

© Сергей Аксу, 2023

© Сергей Аксу, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5324-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ГЛАВА 1

Если судьба приготовила для тебя испытания, то моли ее лишь об одной поблажке – чтобы рядом в нужный момент оказался такой человек, как Славка Зайцев. Мише Тихонову, можно сказать, повезло. Когда сознание после удара немного прояснилось, он услышал откуда-то издали хриплый Славкин голос.

– Ну, очнулся, капитан Немо?

Послышался всплеск воды, как будто кто-то зашлепал босыми ногами по мелководью. Миша, дернувшись всем телом, зашелся в кашле и с трудом приоткрыл глаза. Он почему-то лежал щекой на сыром песке, перед ним, склонившись, на корточках сидел Славка, из-за его спины выглядывали любопытные лица незнакомых черноглазых пацанят, с мокрыми висюльками чубов. Миша застонал, зажмуриваясь от лучей яркого солнца, голова раскалывалась от боли, душил непрекращающийся кашель.

– Вيني-Пух, ты на хрена воды столько наглотался, жажда, что ли замучила? – продолжал ерничать Славка, хлопая ладонью его по спине. – Ладно, хватит валяться и пузыри пускать. Поднимайся, кровь надо остановить.

– Какую кровь? – пробубнил Миша, еле ворочая поцарапанным языком.

Он сделал попытку приподняться, но сильное головокружение сбило и уложило его обратно на песок.

– Нос и лоб тебе расшибло! Вон полюбуйся на свой шлем! Треснул как грецкий орех. Не выдержал. Если б не эти пацаны, не выловил бы тебя. Ты уж извини, пришлось пальцами язык вытягивать, чтобы дышалка заработала. Скажи спасибо, булавки под рукой не оказалось, а то бы пришили бы его к одежде, согласно инструкции по спасению утопающих.

Мишка моргнул вместо ответа. Язык болел и, похоже, опух. Что Славка умудрился с ним сделать?

– Это ты во всем виноват, – продолжал Славка, роясь в походной аптечке. – Последний порог, последний порог! И чего я тебя только послушался? И вообще, все твоя идея, так что теперь давай-ка, сожми зубы и терпи, пока я тебе на рану спиртом плесну.

Мишка терпел. Возразить ему было нечем. Действительно, на этот раз место сплава выбирал он, и карту достал, вроде бы – назубок ее знать должен. Со Славкой таких неприятностей никогда не происходило – уж сколько раз они ходили на байдарках по горным рекам. В это лето Тихонов подбил компанию ехать на Северный Кавказ. Сначала замахнулись на маршрут по реке Белой, но потом от него отказались. Слишком рискованно, довольно высокая категория сложности, Мишка без соответствующей подготовки не смог бы участвовать, поэтому маршрут решили сменить и остановились на менее сложном маршруте, притоке Белой, реке Пшехе. Категория сложности как раз подходила для не очень опытных байдарочников. Мишке уж очень хотелось доказать, что в следующий раз его можно брать и на более сложные реки, готовился к сплаву тщательнейшим образом, но с самого начала все шло наперекосяк.

Когда подошло время похода, группа туристов-водников за неделю развалилась буквально на глазах, словно картонный домик. Пашка Лихачев попал на больничную койку с приступом острого аппендицита, а Антон Численко, главный штурман, осчастливил всех неожиданным сообщением, что не сможет составить компанию из-за натянутых отношений с женой. Решил остаться укреплять семейные узы. Поехали в итоге только Славка и Миша. Они пытались за оставшиеся дни найти кого-нибудь для сплава, но безуспешно. У всех свои дела, свои планы, свои проблемы.

– Ну и черт с ними! Поедем вдвоем! – сказал Славка. – Конечно, нарушаем технику безопасности, но не пропадать же отпуску. Когда отпуск еще летом дадут?

Собрав снаряжение, пошли за байдаркой, которую Славка хранил в гараже своего двоюродного брата. По пути напарник заскочил в магазин и появился с бутылкой шампанского.

– Надо же отметить наше отплытие! – сказал Славка, улыбаясь.

В гараже с большим трудом разыскали байдарку, которую хозяин гаража закинул в дальний угол и забросал всяким барахлом. Славка тщательно проверил комплектность, все ли на месте. Произнес вдохновенную торжественную речь по поводу будущего путешествия, откупорил бутылку и приложился, как лихой гусар к горлышку. Одуревшее от летней жары шампанское буквально взорвалось, щеки у Славки раздулись, словно мыльные пузыри. Он закашлялся, и шипящая пена полезла отовсюду, изо рта, из носа, из ушей.

– Черт побери! – ругался Славка, утирая платком мокрое липкое лицо и залитую на груди рубашку. – Что за шампанское нынче продают?

– Надеюсь, в дорогу брать не будем?

– Тихонов, не учи ученого.

В Краснодаре, куда они прилетели, неувязки продолжали преследовать их по пятам. В аэропорту умудрились сразу же попасть в историю. У каждого из них было по два груза: рюкзак и часть байдарки. Со взлетной полосы пассажиров к выходу в город подвез автомобиль с вагончиками. Немногочисленные пассажиры быстро покинули транспорт, а Миша, укрепляя свою кладь, замешкался и не успел. Пока он собирал свои вещи, автобус закрыл двери и поехал вместе с ним в сторону терминала, где ожидала партия отлетающих пассажиров. Потребовался целый час, пока Миша, наконец, выбрался и отыскал Славку, от которого услышал много «приятных» слов в свой адрес.

Был уже вечер и встал вопрос о ночевке. У Миши в Краснодаре жил знакомый турист, Володя Гладкевич, с которым он познакомился на Грушинском фестивале авторской песни под Самарой несколько лет тому назад. Он не смог дозвониться до него перед отъездом, но надеялся отыскать его дом уже на месте. Необходимо было только определиться с грузом. В камере хранения толстая недовольная приемщица встретила их злым взглядом. Едва взглянув на снаряжение, моментально отказала принять груз. Недолго думая, Славка извлек из своего рюкзака на божий свет заветную фляжку со спиртом. После пятиминутных переговоров тет-тет за стеллажами с багажом проблема мигом разрешилась – тут же нашлись четыре места под их рюкзаки и упаковки с байдаркой.

Дом приятеля нашли быстро, он оказался недалеко от вокзала, через пару остановок, рядом с церковью. Володи, к сожалению, дома не оказалось. Пожилой мужчина, который открыл им дверь, сообщил, что Володя ушел в гости. Решили подождать во дворе. За пару часов томления на скамейке у подъезда Славка с Мишей из разговоров сидевших рядом бабулек узнали всю подноготную обо всех живущих в этом доме. Это был необычный дом, таких, наверное, осталось немного, со своими милыми традициями, с душевным теплом их обитателей. Мише поневоле вспомнились строки из песни Анжелики Варум:

На нашу улицу в три дома
Где все просто и знакомо на денек
Где без спроса входят в гости
Где нет зависти и злости – милый дом
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором...

Когда начало смеркаться, к скамейке подошла, мило воркуя, молодая парочка, девушка с высоким крепким парнем, они перебросились парой фраз с бабульками и скрылись в подъезде.

– Нет, подожди, я все-таки спрошу! – послышался голос девушки, и она вновь вышла к скамейке.

– Скажите, а вы случайно не Володю ждете? – обратилась она к нашим героям.

Миша удивленно вскинул брови.

– Да, Володю Гладкевича.

– Он знает, что вы приехали?

Миша вкратце объяснил ей, кто они такие и откуда.

Девушка всплеснула руками.

– Что же вы сразу не сказали папе? Володя вернется поздно. А вы, конечно, голодные и уставшие. Пойдемте, я вас борщом накормлю.

Они со Славкой переглянулись – вот это номер! Такого они точно не ожидали! Поднялись вслед за ней наверх, где их радушно встретили отец и мать Володи. Посидели, поговорили, обменялись впечатлениями. После ужина гостей проводили в Володину холостяцкую комнату, там они обнаружили рядом с диваном в углу целую гору туристического снаряжения. Тут были и спальные мешки, и палатки, и коврики, и ледоруб с «кошками». Ошибиться в интересах хозяина комнаты было бы невозможно.

Славка, расположившись на расстеленном на полу спальнике, сразу же ушел в «отключку». Мишка щелкнул его по носу – ноль реакции. Тихонов всегда завидовал его способности засыпать в любое время и любой обстановке. Сам он обычно, оказавшись на новом месте, как не старался, долго не мог уснуть, даже не смотря на дикую усталость. К тому же, он хотел дождаться Володю и посмотреть на его реакцию, ведь их приезд был полной неожиданностью для краснодарца.

Володя обрадовался, долго тискал Мишку в крепких объятиях, но в обморок от удивления не упал – неожиданные гости, друзья былых походов, настолько часто приезжали к нему, жителю богатых природой мест, что он уже перестал удивляться и воспринимал их появление, как очередную приятную новость.

Утром после завтрака Володя показал им город и сводил в местный турклуб, где познакомил со своими друзьями-туристами, от которых они узнали подробности предстоящего маршрута.

Мишка все поражался удивительной проницательности Володиной сестры.

– Мы еще четыре часа парились бы у подъезда, если бы она нас не вычислила!

– Ничего тут удивительного нет, – возразил, улыбнувшись, Володя. – У меня часто останавливаются друзья, туристы из других городов, так что мои родные всегда готовы оказать гостеприимство. Помню, такой случай. Еду как-то в автобусе домой с работы и гляжу, впереди меня стоит девушка с рюкзаком, в штормовке. Смотрю на нее и размышляю, интересно, куда она едет. Автобус останавливается у моего дома, девушка выходит и направляется в мой двор. У подъезда догоняю ее и спрашиваю: «Вы не к Гладкевичу?», а она кивает утвердительно. Вот так я ее и вычислил, потому что с рюкзаком и в штормовке могли идти только ко мне. Оказалось, она из Нижнего Новгорода, направлялась на Кавказ, догоняла свою группу. Друзья дали ей мой адрес, чтобы было, где остановиться.

– Так ты, оказывается, знаменитость!

– А то! – ответил Володя с серьезным видом, но потом не выдержал и рассмеялся.

В тот же день Слава и Миша уже были на месте, в станице, откуда собирались начать сплавы. Выгрузили из машины свой нехитрый походный скарб. Огляделись. Никого. Словно вымерли все вокруг. Только куры топчутся, кудахчут, да гуси изредка гагочут у огромной лужи, что посреди улицы. Солнце палило просто невыносимо.

– Я пойду разведую, вон там за кустами, кажется, река начинается. Посмотрю подходы поудобнее, – сказал Славка, напялив на глаза солнцезащитные пижонские очки. – А ты куда ни ногой, а то еще чего доброго снаряжение аборигены сопрут.

Славка скрылся в густых зарослях, откуда доносились отзвуки горной реки. Миша лениво развалился на скамейке нога на ногу, стал созерцать окрестности. Тишина и пусто.

Славка Зайцев учился когда-то вместе с Мишей в радиотехническом техникуме, после окончания которого Миша устроился на завод в серийно-конструкторское бюро, надо было помогать матери. Славка же поступил на дневное отделение политехнического института. В силу своего свободолюбивого характера он год провалял дурака в храме науки, пропадая в походах, гоня на мотоцикле, пока его не отчислили за целый букет несданных хвостов. Служащие военкомата уже в предвкушении потирали руки, питая надежду захомутать осенью молодого непоседу в вооруженные силы. Но не тут-то было. Славка вновь сдал на отлично вступительные экзамены и поступил на тот же факультет, с которого его несколько месяцев назад вежливо попросили. На этот раз его хватило только на первый семестр, пока в его жизни не появилась юная пассия, с которой он познакомился в одном из турпоходов. Какая уж тут учеба. Непутевого Славку снова отчислили. Весной его призвали в армию, в ВДВ. Отдав Родине должок, он вернулся домой в звании старшего сержанта и устроился на тот же завод, где работал Мишка, в тоже подразделение, в тот же отдел, и даже в ту же конструкторскую группу, где занимался разработкой печатных плат.

Протащила мимо какая-то одинокая бабка с ведром, с любопытством уставившись на приезжего и его багаж. Так прошел почти час, Славка как сквозь землю провалился. Миша начал уже не на шутку беспокоиться. Вдруг со стороны реки донеслась песня, да не просто песня – казалось, целый хор ее исполнял, на манер кавказских боевых песен. Миша вскочил на ноги. Из кустов вынырнула жилистая фигурка Славки.

- Я уж думал, тебя местные туземцы прирезали и распевают хором ритуальную песню.
- Какие туземцы, Пух? Какой хор? Это всего лишь один мужик поет!
- Да быть не может!
- Сейчас сам убедишься!

Продравшись через колючие густые заросли, они очутились на обрывистом берегу, над поворотом реки. Внизу, на противоположном стороне, по колено в воде стоял загорелый мужчина и забрасывал сеть, при этом распевая песню, которую Миша слышал, сидя на автобусной остановке. Как ему удавалось имитировать целый мужской хор, одному богу известно, но получалось у рыбакова это здорово.

- Вот, отсюда и стартуем.
- Прямо отсюда?

– Ага. С того берега, наша задача перебраться на ту сторону! Там и временный лагерь разобьем. Вон, видишь, справа трубопровод над рекой. Вот по нему и переберемся.

Высоко над бурлящим потоком висел трубопровод с приваренными к нему перильцами из железного толстого прутка. Подошли к переправе, трубопровод представлял собой две рядом расположенные трубы большого диаметра.

– Я пойду первым, разведую, что да как, потом уж ты! – сказал Славка и, держась крепко за перильца, ступил на трубу. Когда он дошел до середины, трубы под его шагами стали раскачиваться из стороны в сторону. Амплитуда становилась все больше и больше. Зайцев временно застопорился на середине, дожидаясь, когда утихнут колебания, потом снова тронулся в путь. Добравшись до того берега, он помахал Мише рукой, мол, давай стартуй.

Миша с неудобным тюком за спиной, в котором находилась разборная байдарка, ступил на трубы. Пройдя метров двенадцать, он почувствовал, как они стали раскачиваться под его шагами. Но самое неожиданное его ждало впереди, когда он наткнулся на перемычку из железного прута, приваренного поперек, между перилами. Чтобы миновать эту преграду, надо было

встать на колени и проползти под перемычкой, и таких перемычек было четыре. Миша осторожно, не делая резких движений, медленно опустился на колени. Трубы под ним ходили ходунком, норовя, словно норовистая лошадь, сбросить его; далеко внизу грозно шумела горная река. На мгновение он задержал дыхание, борясь с подступившей тошнотой, но потом все прошло. С грузом по трубам пришлось проходить дважды – переправив тюки с байдаркой, они вернулись за тяжелыми рюкзаками и прошли путь вновь.

На другом берегу раскинулся сад, деревья в нем буквально усыпало молодыми яблоками. Исследовав берег, Слава выбрал место для палатки. К ним по воде подошел рыбак, полюбопытствовал об их планах. Не одобрил.

– Надо было выше забираться, до Волчьих ворот, там и пороги выше, и поток мощнее, там прошлой весной один турист из Норильска утонул.

– Нет уж, нам и здесь неплохо, – ответил на заманчивое предложение рыбака Славка.

Ночью Миша выглянул из палатки по нужде и содрогнулся в испуге: вокруг в кромешной темноте кто-то бродил с крошечным фонариком, огоньки мелькали то там, то здесь. Потом до него дошло, что это в темноте летают светлячки.

Утром его бесцеремонно растолкал Славка. Солнце было уже высоко, пора было заняться сборкой байдарки. Пока напарник собирал дюралевый каркас, Тихонов, вложив один надувной шарик в другой, надрывая щеки и легкие, пытался надуть шары, чтобы использовать их в качестве емкостей непотопляемости в носу и в корме суденышка.

Погода стояла замечательная. Купались в горной реке прямо в одежде, которая высыхала на солнце буквально в считанные минуты. Прожили они на этом месте у порога три дня. Несколько раз Миша фотографировал, как опытный Зайцев преодолевает на байдарке буруны, ловко лавируя меж торчащими из воды «бойцами». Потом настала его очередь пронести через гряду кипящих бурунов. Он оттащил байдарку подальше за поворот. Забрался в нее и оттолкнулся веслом от берега. Сердце бешено колотилось, он задержал дыхание и прислушался к предстоящей опасности. Байдарку несло вперед, прямо к повороту. Чтобы его не снесло на камни перед изгибом реки, он быстрыми ударами весла достиг середины потока. И тут он совершил грубейшую ошибку: сделал сильный гребок со стороны течения. Суденышко мгновенно с дикой силой выбило из-под него...

Славка с фотоаппаратом в руках в нетерпении топтался в ожидании, когда появится напарник. Но к его удивлению из-за поворота показалась перевернутая байдарка, которую несло стремительным потоком на буруны, из-за байдарки выглядывала Мишина голова в хоккейном шлеме: он плыл в спасательном жилете, держась за судно. Когда неудачник преодолевал ревущие буруны, байдарка вновь перевернулась и наполнилась водой, и ее стало буквально месить в водной стихии, словно в ступе. Славка на берегу задержался от волнения, то ли фотографировать, то ли спасать друга. Все-таки пару кадров к радости благодарных потомков он щелкнул и бросился в воду на перехват.

Полдня они приводили в чувство свое пострадавшее суденышко, ему изрядно досталось в водовороте. Привальный брус безжалостно вывернуло, шурупы, держащие его, вырвало с мясом. Дюралевый каркас выгнулся дугой, еще бы немного и он бы переломился.

После обеда, Миша предложил еще по разу преодолеть злосчастный участок реки, но Славка тут же пресек его желание:

– Нет уж, хватит с нас приключений. А то так и до финиша не доплывем. И байдарка у нас всего одна и та еле живая.

Стартовали утром. Река несла свои талые воды, изобилуя крутыми поворотами, то ускоряя свое течение, то замедляя, то обрушиваясь мощными валами на хлипкое суденышко, то на мелководье угрожающе царапая днище байдарки подводными камнями.

Вечером сделали привал. Вытащили на высокий противоположный берег байдарку, поставили палатку, разожгли костер.

– Давай таянем по маленькой за боевое крещение, – предложил Славка, выуживая из рюкзака на божий свет армейскую фляжку со спиртом. Но Миша наотрез отказался, он чувствовал себя разбитым, словно весь день разгружал вагоны, даже есть не хотелось.

– Как знаешь, а я выпью. Кстати здорово помогает после трудного дня, – сказал Славка, наливая себе.

Потом с наслаждением закурил и стал рассказывать всякие байки про свои прошлые походы, про сплав по Иркуту, по Уде, по Китою, но Миша его почти не слушал. Впервые с начала затеи он ощутил беспокойство. И черт его дернуло отправиться в этот поход, ведь неспроста кем-то свыше был уготован развал их группы. Значит, не суждено. Так, нет же, все-таки решили ехать. А если, не дай бог, случится с ними что-нибудь. Кто спасать их будет?

На следующий день состояние не улучшилось. Тупо ныла шея, от долгих маханий веслом ломило плечи и кисти рук. У Славки тоже видок был не лучше, он держался, но вчерашнюю презентабельность как водой смыло. Напахались они накануне прилично, силы не рассчитали.

Через пару часов грести стало легче, мышцы и суставы разработались, пришли в норму. Опасных участков практически не попадалось, если не считать одного коварного прижима, когда сильным течением их прижало к отвесному берегу. Миша инстинктивно попытался было упереться веслом в берег, но страшный окрик и ругань Славки вовремя остановили его.

– Ты что? Опупел что ли? Чуть из-за тебя не перевернулись, балда! – набросился на него приятель. – Кто же веслом отпихивается? Ты чуть не помог течению выбить байдарку из-под нас!

Миша обиженно молчал, хотя внутренне понимал, что чуть не стал виновником трагедии. Неожиданно река раздвоилась: одна протока, более стремительная, уходила влево в сторону берега, поросшего лесом; другая, наоборот замедлялась и огибала лес.

– Куда теперь?

– Налево, конечно, там скорость! Неужели будем выгребать, высунув языки как рабы на галерах по тихой воде! Наверняка, потоки за лесом соединяются.

Левый рукав исчезал в зарослях леса. Поток начал сужаться, скорость течения возрастала с каждой секундой. Свесившиеся с берега кусты и ветви деревьев мешали, цеплялись; приходилось от них уворачиваться, словно тореадорам на арене от рогов быка, пригибаться и отмахиваться веслом. Больше всего доставалось Мише, сидящему впереди. Кое-как они продрались сквозь преграду, и их понесло дальше. Байдарка летела как стрела, выпущенная из арбалета. Сбоку на берегу промелькнуло перекошенное от испуга лицо рыболова в соломенной шляпе, который от неожиданности чуть не свалился с походного стульчика, когда они пронеслись на космической скорости мимо. Лес кончился, потоки соединились. Скорость течения резко упала.

На третий день около полудня им попался довольно сложный участок реки. Русло перегородивали затор из унесенных рекой деревьев с торчащими во все стороны корневищами и каменистые глыбы, между которыми зияли две «бочки», два засасывающих водоворота. Оставался один путь между водоворотами по сливу, напоминающему собой узкую дорожку. Миша поднял весло, чтобы не мешать напарнику управлять суденышком. Славка филигранно справился с поставленной перед ним задачей, провел байдарку через опасный участок. Судя по карте, это и был последний порог на их маршруте. Они расслабились, бросили весла, стали глазеть по сторонам, предоставив байдарке самой плыть по течению. Слева на высоком берегу белели домики, чуть дальше была видна водонапорная башня. Откуда-то издалека доносился монотонный приближающийся шум.

– Что это? Шумит что-то, – произнес озадаченный Миша.

– Да не обращай внимания, это поезд, вот тут на карте железнодорожный мост через реку обозначен, – ответил Славка, пряча карту обратно в непромокаемый пакет. – Ты же карту изучал, что, забыл? Джамайкаа!!!! – вдруг заорал на всю Ивановскую Славка, сладко потягиваясь.

– Странно, – через некоторое время отозвался недоверчиво Миша. – Что-то поезд подозрительно долго шумит.

Вынырнув из-за поворота, они ахнули: впереди рокотал тот самый последний порог, обозначенный на карте, за который они приняли пять минут назад гряду камней и водовороты. Их ошибка прояснилась позже. Оказывается, река, подойдя к станице, снова уходила от нее, делая своего рода подкову, и вновь возвращалась к ней с другой стороны. На карте же этого не было видно, просто был отмечен порог рядом с населенным пунктом. Зайцев побелел.

– К берегу! – завопил отчаянно Славка, судорожно хватаясь за весло и пытаясь мощными гребками развернуть байдарку. Но было уже поздно. Их неумолимо несло на кипящие буруны. Миша растерялся, не зная, что предпринять.

– Суши весла!!! Не мешай мне!! – прокричал сквозь шум воды побледневший напарник, умело орудуя веслом. Обливные глыбы порога представляли собой что-то подобие шахматной доски, и чтобы пройти его требовалось не только хладнокровие и большое искусство, но и предварительное изучение опасного участка.

Байдарка лавировала между скалами-бойцами, с трудом уходя от неминуемого столкновения. Но в одном месте ее нос глубоко зарылся во вспененный бурун, и суденышко развернуло и бросило в одну из «бочек». Все вокруг кипело, Славке явно не хватало действий напарника, чтобы высвободить суденышко из плена пучины. Неожиданно байдарка вздыбилась, словно упрямый мустанг, в районе кормы что-то хрустнуло, и она завалилась на бок. Экипаж накрыло волной, ребята оказались бушующем водном хаосе. Мишу кидало из стороны в сторону как соломинку; крутя волчком, переворачивая через голову. Удары градом сыпались со всех сторон, будто по нему молотили как по наковальне. Не выдержав нагрузки, неожиданно лопнул ремешок между ног, пристегнутый к спасательному жилету. Надутый жилет всплыл на поверхность, словно пробка, закрывая обзор и мешая дышать. Миша отчаянно забарахтался, безуспешно пытаясь одной рукой стянуть жилет обратно вниз, чтобы глотнуть чуточку воздуха. Выпустив мешающее весло, он обеими руками вцепился в непокорный жилет, делая попытку усмирить его. Водника опять закрутило в бурном потоке и швырнуло на скользкую блестящую глыбу. Удар. Боль...

Замелькал яркими вспышками свет, он почувствовал тупую боль в ушах от нарастающего страшного гула. Откуда-то вдруг возникли звонкие детские голоса, только он никак не мог их разобрать. Перед глазами с невероятной скоростью завращался причудливыми узорами калейдоскоп из разноцветных стекляшек. И тут резко вновь наступила тишина, нарушаемая глухими одиночными ударами, похожими на удары по большому оркестровому барабану. Неожиданно вновь откуда-то прорвался щебет детских голосов...

Пока Миша с помощью Славки приходил в себя, ребячьей ватаге удалось притащить покореженную байдарку, которую выбросило на отмель в метрах трехстах от порога.

– Ну и видок у тебя! Такое впечатление, что ты все двенадцать раундов мужественно продержался против Тайсона, – сказал он, осторожно обрабатывая другу раны на лице.

– Страшный?

– Да нет, не сказал бы. Квазимодо был страшнее. Не переживай, до свадьбы заживет!

– Вот тебе и поезд, – криво через силу улыбнулся разбитыми губами Миша, осторожно дотрагиваясь пальцами до марлевой повязки.

– Не говори. Дуралеи мы с тобой, Тихонов. Но ты, Пух, в рубашке родился. Второе рождение, можно сказать. Смотри, не промотай.

– Что не промотать?

– Вторую жизнь не промотай, дурень.

Мишка ничего не понял, кроме того, что ему действительно крупно повезло.

ГЛАВА 2

В магазине было шумно и тесно. В преддверии новогодних праздников за покупками ринулись даже те, кто в другие дни о такой мелочи, как внимание близким в виде милых подарков, даже не задумывается. Лихорадка покупок охватила весь город и люди, срываясь в обеденный перерыв с рабочих мест, вместо приятного занятия в виде поглощения пищи занимались суетливыми поисками подарков самого разного калибра – маленьких и больших, дорогих и чисто символических. Обстановка магазинов как нельзя лучше способствовала всеобщему настроению – повсюду красовались ярко наряженные елки, увешанные гирляндами и мерцающими огнями, играла веселая музыка и красочные коробки в подарочной обертке под елкой призывали не забывать порядочных граждан о необходимости совершения священного акта покупки.

Грузная женщина лет шестидесяти, запыхавшись и слегка одурев от духоты в переполненном супермаркете, с героическими усилиями продиралась сквозь толпу, крепко сжимая одной рукой ладонь мальчика лет пяти, а другой – большой пластиковый пакет с разноцветными коробками.

– Бабуля, а если ты подарки купила, то Дед Мороз уже к нам не придет?

– Да нет, Егорушка, просто я подумала, а вдруг он окажется занят и не успеет всем подарки найти, вот я ему и помогу – припасу на всякий случай. Но он обязательно к нам придет.

Малыш сдвинул брови, пытаясь уложить в голове мудреную бабушкину версию. Вроде бы правдиво, но что-то тут не сходилось. Если Дед Мороз все знает и такой волшебник, как он может не успеть найти всем подарки? Юный следопыт Егор так задумался, что совершенно не замечал людей вокруг и очнулся уже тогда, когда на полных парусах втемяшился головой во что-то мягкое и очень приятно пахнущее. Он поднял голову и увидел девушку в бордовой вязаной шапочке, из-под которой веером распустились густые волны каштановых волос. Из-под челки на него смотрели смеющиеся карие глаза.

– Ой, простите ради бога! – воскликнула бабушка Егора. – Егор, ну что же ты! Надо же под ноги смотреть хоть немного! Извините, девушка.

– Ничего страшного, – засмеялась обладательница чудесного запаха и бордовой шапочки. – Замечтался!

Раскрасневшаяся женщина крепче схватила Егора за руку и пошла дальше. Он еще раз оглянулся – его «жертва» весело помахала ему вслед.

«Забавный малыш», – подумала Лика. Она в который раз окинула взглядом прилавков и вздохнула. С подарками у нее сегодня не складывалось. В последнее время выбирать подарок Анатолию становилось все сложнее. Это казалось странным и нелогичным – ведь по логике вещей она должна была бы с годами узнавать вкус мужа все лучше и лучше, а на деле происходило обратное. С каждым разом ее неуверенность в выборе только росла. А вдруг ему это не нужно? А вдруг он скажет, что слишком вычурно и вообще не в его стиле? Хуже всего, если вообще ничего не скажет, но и использовать потом не станет.

Лика Рогожина любила делать подарки. Причем любила делать подарки намного больше, чем получать их. В этом была своя прелесть – придумать, выбрать, преподнести сюрприз. И раньше, еще до замужества, игра эта была чуть ли не самым приятным составляющим всех праздников. У них в семье каждый принимал в этой игре участие. Две сестренки, Лиза и Маринка, сама Лика и даже родители тщательно готовились к вручению подарков. Городок, в котором родилась и выросла Лика, был небольшим, и выбор среди товаров был достаточно небольшим. Тем интереснее было подобрать что-то индивидуальное, оригинальное, привнести что-то свое. Праздники в их семье отмечались всегда дома, с множеством гостей, играми и непременно застольем.

Лике очень хотелось бы поехать как-нибудь вновь на Новый Год к родителям, чтобы, как в былые времена, было тепло и весело. Нельзя сказать, что замужняя жизнь ее была унылой. Просто переехав с мужем в большой город, она уже не могла оставить его и уехать домой на праздники одна. А Толик ехать не хотел – здесь у него была своя семья, в которой были свои устоявшиеся традиции. И одна из них – в новогоднюю ночь праздновать всей семьей в ресторане. В этом была своя прелесть – концертная программа, шоу, не надо ничего готовить, и ничего потом убирать за гостями. Но шум музыки обычно заглушал родные голоса, а помпезная ресторанный атмосфера разбавляла тепло и уют семейной компании. Тем более что в окружении родственников Анатолия Лика никогда не ощущала себя расслабленно и комфортно.

Лика направилась к выходу. Еще раз улыбнулась, вспомнив смущенное личико сорванца Егора. У нее мог бы быть сын такого же возраста. Но не суждено. В первый же год ее замужества у нее случился выкидыш, а потом было не до этого. Окончание института, дипломная, поиски работы. Толик настойчиво уговаривал ее подождать. Как подозревала Лика, не обошлось тут без влияния «любимой» свекрови. Толик готовился к защите докторской и ребенок мог помешать молодому гению физических наук. В принципе, они были правы, и Лика это понимала и не спорила. Она молода, в двадцать семь лет нет повода торопиться рожать. Особенно, когда на носу докторская мужа. Тут надо за мужем ухаживать и создавать ему условия, а не подгузники орущему малышу менять.

Она так и вернулась домой с пустыми руками. «Придется завтра опять с работы срываться в обеденный перерыв», – с грустью подумала она. К тому же ей надо что-то и свекрови со свекром подыскать, Толик попросил сделать это за него. Она вошла в квартиру, повесила пальто в шкаф в прихожей и задержалась у зеркала. Щеки так разругались от мороза, словно их натерли свеклой. Она улыбнулась сама себе и прошла на кухню. Толик в обычной своей манере сидел и читал за столом, попутно жевал бутерброд с ветчиной и запивал минералкой прямо из бутылки.

– Привет. Опять кусочничаешь?

Она чмокнула его в затылок.

– Угу. Ты чего так поздно?

– На работе задержалась. Под вечер подкинули перевод и, как всегда, срочно.

– Маме нашла что-нибудь?

– Подарок? Нет. Что-то ничего в голову не приходит. Хочется оригинальное что-то подарить, но пока – увы. Завтра еще раз попробую.

– Угу.

Толик вновь уткнулся в книгу.

– В холодильнике пирог же есть, и суп. Разогрел бы, чем бутербродами давиться.

– Угу.

Он кивнул, но она сильно сомневалась, что он услышал хоть одно слово из сказанного. Впрочем, она привыкла. Как и к тому, что если ее не было дома, он никогда даже не разогреет себе еду, не то, чтобы приготовить. Свекровь нет-нет, да пускала стрелы в адрес снохи по этому поводу. Но что же делать – у Лики была своя работа, и работа иногда требовала от нее задержаться. Кто же виноват, что Анатолий такой неприспособленный в быту? Максимум на что способен – нажать на кнопку электрического чайника и вскипятить воду для чая. Все остальное – не его прерогатива. Лика не прочь была повозиться на кухне и приготовить что-нибудь вкусненькое, но проводить у плиты двадцать четыре часа в сутки она не была готова. Да если и посмотреть на нее – на пышнотелую щекастую повариху она не тянула. Напротив – Лика обладала таким хрупким телосложением, что иногда казалось, подует ветер – и унесет ее, подхватит, как снежинку, поднимет, закружит и взмоет в небо. Ее почти прозрачная кожа резко контрастировала с темно-кариими глазами и оттенялась такими же темными волосами. Веки казались даже голубоватыми, как у белокожих младенцев. Мама, бывало, называла ее хру-

стальной принцессой, папа все беспокоился, не больна ли она чем. Но Лика не была больна – просто хрупкость и тонкокожесть являлись частью натуры. Впечатлительность порой играла с ней дурные шутки – эмоции перехлестывали за край, и в этом море очень сложно было разобраться, где истинные чувства, а где подмена. Наверное, именно так и случилось, когда она познакомилась с Анатолием. Она тогда училась на факультете Иностранных Языков и ее, как одну из лучших студенток, отправили переводить на конференцию физиков, организованную их институтом. Конференция была не очень больших масштабов, да и иностранных гостей раз два и обчелся, но поддержать репутацию института было важно, и Лика старалась не упасть лицом в грязь. Там-то она и увидела Анатолия, представляющего научный доклад. Он делал это так вдохновенно, увлеченность темой буквально поглотила его и сделала в глазах Лики просто нечеловечески прекрасным. Они встретились после конференции, потом он пригласил ее помочь ему с переводом еще раз, но уже в другом городе, а потом сделал предложение. Были между этим и разговоры по телефону, конечно, и несколько встреч, и представление родителям, но все прошло на фоне такого восхищения талантом Анатолия, что Лика даже не отдавала себе отчета, в какой омут она бросается с головой.

Потом был переезд к мужу в чужой город, новое место, новая работа. Только вот с новыми друзьями как-то не складывалось. Дома все было родным, подруги – те, что еще с детства рядом были, родные – всегда поддержат и поймут. А тут – незнакомый город показался даже немного агрессивным поначалу. Не так-то легко было вписаться в новый круг. Были однокурсницы, коллеги, но никто из них не стал ей близкой подругой. Понимала ли она, что причиной тому был, среди прочего, и ее муж? Вернее сказать, ее замужняя жизнь. Новый статус – жена. Но не просто жена. От Лики ожидалось, что она подчинит мужу все свое свободное время, что все ее интересы будут направлены на него, вся ее энергия – на его рост, на их семью. Так оно и было. Но после второго года замужества ее энергия иссякла. Не физическая, душевная. Постоянно отдавая, она ощутила себя опустошенной. Шли недели, месяцы, годы, а жизнь их с Толиком не менялась. Все те же обязанности. Все те же ожидания. Только вот видеть его в роли талантливого физика ей приходилось все реже и реже, зато все чаще – в роли довольно неприспособленного мужчины, ленивого до душевных изысков, сконцентрированного по большей части на себе и совершенно искренне не понимающего – с чего это его жена стала такой молчаливой и так редко улыбается?

– Толик, а давай поедem на этот Новый Год к моим?

Он оторвался от книги, снял очки и уставился на нее, как на инопланетянина.

– А как же родители?

Изумление в его глазах граничило с испугом. Он словно оказался перед угрозой возможного конфликта, что ставило его в тупик и пугало.

– Но... Толик, милый, мы ведь с твоими каждый год вместе отмечаем, а моя мама так соскучилась, я ее уже год не видела.

– Лика... Но ты же знаешь. Мы уже пригласили семью моего руководителя, неудобно будет отказаться. Может, съездишь позже, после праздников?

– Меня не отпустят с работы. Ладно, пойду переоденусь и разогрею ужин.

Лика опустила глаза. И зачем она только спросила? Ясно ведь, что он ответит. Но маму увидеть действительно очень хотелось. И сестренку. И подруг. Просто поболтать, посидеть на уютном диване и не думать ни о чем, кроме того, как тебе хорошо. «Словно маленький ребенок!», одернула она себя. Ну да, так оно и есть. Вполне естественно – когда взрослому человеку плохо, он стремится туда, где ему комфортнее всего. В ее семейном гнездышке ей уже было некомфортно. И не было ведь явной причины для этого, просто... Просто увлечение, возникшее на фоне ослепления талантом Анатолия, потеряло свой источник. Она могла бы стать ему отличной коллегой-ассистенткой, но роль жены требовала иных взаимоотношений, более сложных, тонких, насыщенных иными мотивами, иными словами.

Свекровь, умная женщина, почувствовала опасность еще задолго до того, как она обрела реальные очертания. У ее сына был сложный и ответственный момент в карьере, и ее обязанностью было оградить его от возможных стрессов.

– Лика, дорогая, брак – это трудное дело. Он требует от женщины больших усилий, поверь мне! Я вижу, что тебе порой нелегко, но ты должна постараться перешагнуть через некоторые моменты достойно.

– Я не понимаю, о чем вы, Елена Павловна.

– Прекрасно понимаешь, Лика. Все мы, женщины, время от времени проходим через эти трудные периоды в браке. Но только слабохарактерные люди склонны к непоправимым разрывам, они просто ленятся приложить усилия и преодолеть препятствия. Куда легче хлопнуть дверью и уйти.

Лика что-то не помнила, чтобы ее родителям приходилось прилагать такие уж невероятные усилия для сохранения их брака. Или она просто не замечала?

– Не спеши делать выводы и принимать скоропалительные решения. Поспешность в таких делах – просто убийственна. Ты можешь потерять все, но ничего не приобрести.

А было ли, что терять? Лика задавала себе это вопрос тысячи раз, и с каждым разом находить ответ становилось все сложнее.

Хотелось домой. Хотелось к маме. Хотелось укутаться в пуховое одеяло и уснуть.

– Лика, ты идешь? Я умираю с голода!

Меньше всего хотелось идти и греть ужин, чтобы потом поглотить его в полном молчании, наблюдая, как муж продолжает поглощено читать книгу и вряд ли замечает, что вообще попадает в его желудок. Но в голове все еще звучали слова свекрови о слабохарактерных людях. Она не хотела быть слабохарактерной. Она просто хотела быть счастливой, но не понимала – а как это? Может, она уже счастлива, просто не осознает этого? А может, счастья и нет вовсе, придумали романтики, чтобы разволновать умы легковверных граждан. Нет, не может быть такого. Она видела. Она знала, какие бывают глаза у счастливых людей. Она смотрит на себя в зеркало и не видит ничего даже отдаленно напоминающего счастье.

ГЛАВА 3

В понедельник с утра Мишу Тихонова озадачил начальник отдела Евгений Михайлович Ястребов. Необходимо было срочно спаять макет опытного образца изделия, на серийный выпуск которого отдел возлагал большие надежды на будущее. Тихонов, несмотря на свои двадцать два года, уже успел заработать репутацию «золотых рук и светлой головы» в серийно-конструкторском бюро. Он учился на четвертом курсе заочного отделения политехнического института и работал на заводе в конструкторском бюро инженером. После успешного окончания техникума он пошел на завод, сколько можно здоровому парню сидеть на шее у матери, сначала он несколько месяцев проработал регулировщиком радиоаппаратуры в одном из цехов, а потом уже перешел в одну из лабораторий СКБ.

Миша давно уже привык к неожиданным заданиям начальства, и если ему поручалось спаять новый макет, ему, как правило, никто не мешал. Кроме, разве что, его непосредственного начальника, руководителя группы Федора Федоровича Белова, который имел извечную привычку весь день суетиться и мельтешить, мешая всем работать. Это был юркий маленького росточка человечек, который в силу своего холерического характера, не мог и секунды усидеть на одном месте, в голове у него ежеминутно роились и рождались интересные глобальные идеи, которыми он тут же начинал «грузить» своих подчиненных. Особенно доставалось Тихонову, как самому молодому сотруднику в лаборатории. В его обязанности входило воплощать в жизнь все гениальные наработки руководителя в жизнь, причем тут же, незамедлительно. У Федора Федоровича из-за его несобранности часто возникали с сотрудниками острые конфликты и всевозможные истории. То он нечаянно сядет на горячий паяльник, то уронит на ногу тиски, то в гараже упадет в смотровую яму, то куда-нибудь вляпается, то потеряет важную бумагу, то, уйдя домой, по рассеянности наденет чужое не по росту пальто, то отмочит еще что-нибудь... Срываясь, он во всех свалившихся на его голову бедах винил подчиненных. Но отдать должное, «котелок» у него варил замечательно, нестандартно. Руководство СКБ высоко ценило его как отличного специалиста.

Белов работал на заводе уже лет двадцать пять. Рабочий стол Федора Федоровича представлял собой уникальное зрелище, это была настоящая свалка, состоящая из обилия нужных и груды ненужных бумаг, чертежей, всяких железок, болтов, пружин, шестеренок, каких-то частей от электронных узлов и т. д. В ящике стола вообще творилось что-то невообразимое, какого только там хлама не было, одних только сломанных авторучек можно было бы вытряхнуть целый мешок. Его любимым занятием было, периодически копаться в этом бесценном для него добре. Во время ремонта лаборатории, столы некоторое время простояли в коридоре, и кто-то из чужаков видно помог ему в реализации драгоценного хлама.

– Скоты! Покрали! Хорьки! – неоднократно вопил расстроенный Федор Федорович на всю лабораторию, поминая неизвестных похитителей недобрым словом, заметив, что часть ценного барахла куда-то бесследно исчезла.

Жизнь лаборатории скрашивали четыре представительницы прекрасного пола – Любовь Николаевна, Луиза Владимировна, Ольга Викторовна и юная лаборантка Света. Любовь Николаевна была замужем за каким-то начальником в силовых структурах и вела себя всегда уверенно, намекая, что она знает такое, что им, простым смертным, недоступно и неведомо. Ольга Викторовна помимо основной работы всю себя отдавала на профсоюзном поприще, ее за глаза называли «железной леди». Узнай она об этом, ей, вероятно, такая характеристика польстила бы. Ей нравилась командовать людьми, что-то организовывать, держать все под своим неусыпным контролем и ощущать себя человеком, от которого многое зависит. Зависело от нее, на самом деле, не так уж и много, но разбор характеристик, путевки, льготы прочие атрибуты она давно прибрала к рукам. Впрочем, надо отдать ей должное, женщина она была

на редкость справедливая и никого почему зря не обижала. Сплетнями интересовалась только в целях опять-таки контроля ситуации (о сотрудниках надо знать больше!) и чаще всего вставала грудью на сторону несправедливо обиженных, даже когда ее об этом не просили.

Луиза Владимировна была помоложе их, любила поболтать, пофилософствовать, и поговаривали, что она что-то даже пописывала дома на досуге, чуть ли не роман о несчастной безответной любви. Это вполне могло оказаться правдой – натура у Луизы Владимировны была охочей до разных новостей и пикантных деталей, как то, что надо для любовных романов. Самым благодарным слушателем ее была Света, невысокая пухленькая девушка с короткой стрижкой, только что окончившая среднюю школу. Света провалилась на вступительных экзаменах в институт и вынуждена была пойти работать лаборанткой на завод. Она мало, что умела делать, хоть и старалась, но толку выходило совсем немного. В лаборатории ее держали за услужливость и дружелюбность, она старалась всем угодить, а чтобы угодить Луизе Владимировне, достаточно было просто слушать внимательно ее излияния и поддакивать в нужный момент.

Иногда скучающая Света подсаживалась к Вите Алексееву, молодому сотруднику, тридцатилетнему холостяку, чья ладонь была в два раза больше Мишиной ладони. Светка от нечего делать несла, не переставая, всякую чепуху, наблюдая, как Виктор настраивает аппаратуру. Сидя рядом, непринужденно болтая ногами, она не замечала, как короткая юбка задиралась, обнажая ее пухлые колени с ямочками. Витька, естественно, постоянно натываясь взглядом на эти ямочки, начинал нервничать, ерзать, и ни с того ни с сего грубить.

– Да убери ты свои коленки! Мешаешь паять! – возмущенно высказывал он Свете. Та, не понимая реакции молодого человека, обиженно надув губки, возвращалась за свой стол или пересаживалась к кому-нибудь другому из сотрудников.

Миша любил подшучивать над ними.

– Свет, у Витьки глаза скоро окосеют, ты же его фокус смещаешь на 180 градусов!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, Тихонов!

– Вить, ты тоже не понимаешь?

– Да отстаньте вы все от меня! Ну что за люди – не дают вообще сосредоточиться!

Жизнь в отделе была ключом. У них постоянно что-то происходило. То ли сотрудники такие подобрались, то ли еще что, но у них никогда не было скучно. На этот раз намечался грандиозный шахматный турнир. В среду в конце рабочего дня все занимались подготовкой. Обставили все чинно и благородно. Освободили столы для шахмат, на доске мелом написали имена участников, словом – подготовились наисерьезнейшим образом. Главными зачинщиками и вдохновителями являлись Федор Федорович и его давний соперник, начальник соседней лаборатории, Алексей Григорьевич Емельяненко; оба заядлые игроки, любители шахматных баталий.

– Давненько я не брал в руки в шахматы! – любил повторять крылатую фразу Федор Федорович, нервно двигая фигуры и ерзая на стуле.

– Знаем, знаем, как вы плохо играете! – отзывался и долбил со всего маха по кнопке шахматных часов его соперник.

– Тронул – ходи! – изредка во время поединка раздавался возмущенный вопль Федора Федоровича.

Шахматные блиц-турниры, пятиминутки, уже давно стали неотъемлемой частью жизни отдела. Баталии устраивались, как перед рабочим днем, так и в обеденный перерыв, а иногда и после работы.

Миша сам часто не играл, но со стороны любил наблюдать за схватками маститых «гроссмейстеров». Впрочем, за ним укрепилась репутация сильного игрока. И все благодаря тому, что однажды, в обеденный перерыв из-за отсутствия игроков его пригласил сыграть «партейку» Емельяненко. Миша в теории был не силен, особых шахматных тонкостей и премудро-

стей не знал, но сразу же озадачил своего опытного противника нестандартным мышлением. Если б красный флажок на часах у него не упал, то Емельяненко пришлось бы испить горькую чашу поражения. Уж больно плачевная у него возникла на доске ситуация. Потом Михаил как-то, здорово не напрягаясь, посадил в лужу старшего инженера Юрия Палыча Можаровского, постоянного противника Емельяненко и самого Белова. С этой поры матерые шахматисты стали с опаской относиться к молодому человеку, потому что выигрыш у него им не сулил громкой славы, а вот проигрыш, наоборот, мог оказаться несмываемым позором. Поэтому они не особо горели желанием приглашать Мишу на поединок.

На этот раз турнир должен был состояться между тремя командами, две от лабораторий, третья – чисто конструкторская. В каждую команду вошло по три человека, которые должны были делать ходы по очереди. Появились конструктора во главе с рьяным шахматистом Стасиком Новицким. Его помощниками назначили молодого специалиста Славку Зайцева и старожилу отдела, всеми уважаемого, седовласого Данилу Григорьевича. Тот факт, что они эти самые шахматы, наверное, со школьной скамьи не брали в руки, никого не смутил – честь коллектива дело святое, доверили – отстаивай. Миша тоже попал в число игроков, более того, на него возлагали большие надежды, памятуя недавний успех. В команду же соседей вместе с маститыми игроками, такими как Емельяненко и Юрий Палыч, попал непонятно какими путями шептун несерьезный Кузя, Серега Кузьмин, местный клоун по призванию. Он был на три года старше Тихонова. Окончив дневное отделение института, он уже год маялся в роли молодого специалиста и беспрестанно отчубучивал какой-нибудь финт ушами.

Бросили жребий, выпало играть конструкторам с 1-ой лабораторией, лабораторией Емельяненко. Начлаб сделал стандартный ход, Е2-Е4. Стасик ответил пешкой навстречу. Можаровский в свою очередь укрепил пешку шефа, не принимая соперников всерьез, открыв диагональ на короля. Конструктора в лице Славки сделали промежуточный ход конем. И тут у всех на глазах произошло невероятное. Кузя с торжествующим видом лихо ответил пешкой от коня, оставив этим самым диагональ на короля без защиты. Все присутствующие в ужасе схватились за голову.

– Идиот, – прошептал пораженный Емельяненко.

– Что он делает? – вырвалось у ничего непонимающего Юрия Палыча Можаровского, который хлопал глазами.

Кузя и глазом не моргнул, хотя заерзал, предчувствуя извержение вулкана.

Даниле Григорьевичу, который в древнейшей игре почти ничего не понимал, ничего не оставалось, как только вывести из укрытия ферзя и сделать мат. Мат в три хода! Так называемый «детский мат»! И кому? Команде корифеев «клетчатой доски»! В лаборатории началось невероятное. Шум стоял такой, что на него сбежались сотрудники из соседних отделов. Емельяненко, красный как рак, накинулся на Кузю чуть ли не с кулаками, Юрий Палыч вконец расстроенный ушел, громко хлопнув дверью. Конструкторов Миша и его коллеги с трудом, но одолели, а вот рассыпавшейся внезапно команде Емельяненко пришлось приписать «баранку».

– Нет, ну как ты мог, идиот, как ты мог! – орал на Кузьмина взбешенный начальник.

– Ну ладно вам, подеритесь еще! – успокаивал их Данила Григорьевич.

– Да он специально, голову даю на отсечение, специально!

– Не специально! – отнекивался Кузя. – Я предупреждал, что играю не очень хорошо.

– Не очень хорошо? Не очень хорошо??? Это же просто кретинизм, вот как это называется! Такую партию продуть! И кому?! Мат! В три хода! Никогда мне смыть такого позора.

Кузя вышмыгнул из комнаты, опасаясь дальнейшего гнева.

Больше всех победе радовались, конечно, конструктора, завоевавшие второе место, особенно веселился убежденный сединами Данила Григорьевич.

Инженер-конструктор Данила Григорьевич Тельман был местной достопримечательностью, он зимой ходил в одной рубашке, пока жена его не заставила надеть легкую курточку, чтобы не позорил ее на всю округу. Как-то на какой-то вечеринке отдела он в подпитии разоткровенничался и поведал сослуживцам о себе, о своем суровом детстве. Рассказывал, как в войну остался сиротой и совсем маленьким ребенком попал в детский дом, где ему с чьей-то легкой руки дали фамилию вождя немецкого пролетариата Эрнста Тельмана. В трудные послевоенные годы детский организм закалился в лишениях. Ему нипочем были ни сырость, ни стужа. Мишка всегда немного завидовал ему – его крепкому организму и восхищался силой духа и оптимизмом.

Так получилось, что Данила Григорьевич стал Мишиным наставником – и в силу своей специальности, и в силу того, что просто по-человечески оказался близок Мише, вызывал уважение. Миша, мало знавший своего отца, тянулся к нему, к старшему другу, к первому шел за советом, первому каялся в ошибках и хвалился успехами. От него лучше всего воспринимал критику.

– У тебя, Мишка, – как-то сказал ему Тельман, – душа нараспашку. Тебя любая милая девушка легко в себя влюбить сможет. Странно, что ты еще одиночкой ходишь.

– Только не говорите, Данила Григорьевич, что решили в свахи записаться.

– Да мне что? Лишняя головная боль нужна? Сам найдешь, не маленький.

Света, до этого усердно делающая вид, что не слушает их разговор, не выдержала и встряла.

– Да он нас, милых девушек, и не замечает даже. В упор не видит.

– Плохо стараетесь, девушки.

– Куда уж лучше, Данила Григорьевич? Может, он уже влюбился, а мы не знаем?

– Светик, обещаю, что сообщу тебе первой, когда сие великое событие произойдет в моей жизни, договорились? А пока у тебя хватает своей заботы – у Витька, вон, производительность труда понизилась. Не знаешь, почему бы это?

– Один ноль в пользу Тихонова, – заключил, улыбнувшись, Тельман. – Работать сегодня вообще кто-нибудь собирается, или как?

– Или как, – хором отозвались Света с Мишей и рассмеялись.

Миша вернулся к своему макету, принимая, как факт, что теперь придется задержаться до ночи, чтобы успеть закончить в срок.

ГЛАВА 4

Завод, на котором Лика работала переводчиком в Бюро технической информации (БТИ), был одним из крупнейших промышленных объектов в городе. Платили неплохо, хотя, если бы она устроилась работать в какое-нибудь коммерческое предприятие или фирму, она получала бы больше, но и ответственности было бы больше, задержки – чаще, что не вписывалось в ее график семейной жизни. Устроил ее на работу свекор, нашел знакомых, которые без проблем взяли девушку с хорошим владением трех языков. К тому времени Лика из юной восторженной поклонницы своего мужа-гения уже превратилась в погрузневшую, немного разочаровавшуюся молодую женщину двадцати семи лет. Работа ей нравилась, но не настолько, чтобы вдохновлять и прибавлять воодушевления. Она ответственно подходила к своим обязанностям и подкупила руководство исполнительностью и молчаливостью. В группе работали еще две женщины – Лидия Дмитриевна и Клара Наримановна. Лидия Дмитриевна была руководителем группы и обычно все новенькие приходили туда по ее рекомендации. Как правило, новенькие не задерживались подолгу – молодые выпускницы, набравшись опыта, покидали гнездышко и находили более теплое местечко. На их место приходили другие, и на этот раз Лика, сама того не ведая, заняла место ее потенциального протеза. Клара Наримановна была чуть младше Лидии Дмитриевны, работала в отделе довольно долго по той простой причине, что английский ее был не на высоте и более престижное место ей не светило.

– Лида, ну чего ты все придираешься к девочке? – спрашивала она Лидию Дмитриевну в отсутствие Лики. – Спокойная девочка, старательная. Ей бы освоиться – и все будет нормально.

– Да никогда она не освоится здесь, Клара, – Лидия Дмитриевна качнула копной подкрашенных в рыжеватый цвет волос, взбитых в пучок на затылке. – Разве не видишь, она не из тех, кто привык работать, белоручка. Только взгляни на нее.

– Да ладно тебе, просто она так выглядит, а работает не хуже других.

– Ну, тебе-то, ясное дело, она нравится. Думаешь, не вижу, как ты ей переводы на правку подсовываешь?

Клара Наримановна сверкнула черными глазами и обиженно сжала губы. Все заметила, мыбра! Ну и что тут такого? Раз Лика соглашается ей помочь, почему бы не использовать новенькую?

– Ладно, Клара, не дуйся. Все мы не без греха. А эта девочка уж чересчур безгрешную из себя строит, немного раздражает даже. Знаем мы, что за душой у таких вот ангелочков. Про тихий омут и чертей – это как раз про нее.

– Почему ты так думаешь?

– Вот увидишь. Я таких за версту чую.

Лидия Дмитриевна Касаткина уже лет двадцать проживала безмужнюю жизнь матери-одиночки. В последние годы ей материально помогал сын, наконец-то устроившийся на приличную работу, а до этого она подрабатывала «левыми» переводами и репетиторством. Мужа она выгнала решительно и бесповоротно, невзирая на малолетнего сына. Причиной послужило пьянство, с которым она мириться ни за что не хотела. Жизнь никогда не осыпала Лидию Дмитриевну конфетками и золотыми монетами. Напротив, частенько подставляла и обманывала надежды, а потому у нее выработалось что-то вроде инстинкта самосохранения – она никому не доверяла и с большой настороженностью относилась ко всем людям. Особенно это проявлялось по отношению к так называемым везунчикам, которым, по ее мнению, слишком уж легко все доставалось. Лика как раз идеально вписывалась в круг везунчиков – свекор, известный академик, муж, уже прославившийся своими научными изысканиями, составляли, по мнению Лидии Дмитриевны, залог успеха молодой и нечем не отличающейся от других девушки.

– Лика, вы сегодня успеете закончить перевод для конструкторов?

– Я постараюсь, Лидия Дмитриевна. Это очень срочно, да?

– Я бы не спрашивала, если бы не было срочно.

– Я понимаю.

Она беспомощно посмотрела на Клару Наримановну. Проверить ее перевод она сегодня уже не успеет.

– Вы вчера, Лика, с обеденного перерыва пришли на полчаса позже положенного, – продолжила нудение Лидия Дмитриевна. Она заметила молчаливый диалог между сотрудницами и взъелась еще больше.

– Но я же вечером задержалась.

– А это уже ваше личное дело. А днем попрошу соблюдать дисциплину. Или вы думаете, вам все простительно, если вас Сам порекомендовал?

Лика вспыхнула, но ничего не ответила. Возражать – себе же дороже. Только очередной шквал колкостей вызовет. Жалко, что опять в обед не успеет все покупки сделать, значит – вечером. А в обед лучше поработать. Хорошо, что она научилась не реагировать на начальницу. Люба, лаборантка из другого отдела, с самого начала предупредила Ликю, что ее ожидает. И про протеже рассказала, и про порядки, которые Лика невольно нарушила.

– Она тебе еще попьет кровуцы, эта мымра. Но ты молчи, она переберется и остынет, может, еще подружится.

Люба, ровесница Лики, работала на заводе года четыре, знала истории всех сотрудников и обладала способностью быстро находить общий язык со всеми новичками. Ликю она заприметила в первый же день, пригласила вместе пообедать. Дружба с Любой существенно облегчила вхождение Лики в незнакомый коллектив, правда, никак не повлияло, если не сказать отрицательно, на отношения с Лидией Дмитриевной.

– Ты что? Обедать не идешь что ли, девушка?

Люба заглянула в отдел переводчиков и, убедившись, что никого нет, ввалилась в комнату.

– Работы очень много, а мне вечером надо пораньше уйти, – виновато улыбнулась Лика. – Иди без меня.

– Думаешь, оценят твои старания? Ну, ну! Может, принести тебе чего? Булочку или кекс?

– Спасибо, Любаш. Я просто кофе в нашем кафе выпью чуть попозже.

– Как знаешь, – протянула Люба и скрылась за дверью.

Лика еще немного поработала, встала, потянулась, взяла сумочку и направилась к двери. Широкий рукав свитера зацепился за дверную ручку, и она чуть не упала. В рукаве зияла дыра и Лика расстроено разглядывала пробивающийся сквозь нее свет. «Какой-то сегодня день странный», – подумала она.

В кафе, что расположилось на первом этаже инженерного корпуса, стоял гул, и пахло ароматным кофе и жареными сосисками. Она взяла кофе и оглянулась в поисках свободного стула. Все места были заняты. Лика, осторожно балансируя кружкой с горячим кофе, направилась к окну и устроилась на широком подоконнике. За окном сыпал мелкий снег и немного дуло из щелей. Лика обхватила горячую керамическую кружку ладонями и улыбнулась тому, как простой жест может создать иллюзию тепла.

– Прошу прощения, вы здесь не видели синюю папку?

– Что?

От неожиданности она немного расплескала кофе. Так задумалась, что не заметила, как к ней подошел молодой парень в джинсах и черном свитере. Возможно, один из сотрудников, она пока плохо запоминала лица, его лицо не казалось знакомым.

– Простите, что?

– Я здесь не оставлял синюю папку?

Парень смотрел ей прямо в глаза, не мигая. Его волнистые волосы слегка взъерошились, и это придавало ему забавный вид. Лика улыбнулась.

– Нет, не видела.

– Значит, потерял, – сокрушенно вздохнул парень. Но вместо того, чтобы уйти, он застыл на месте и еще несколько мгновений смотрел ей в глаза. Она улыбалась и не знала, как реагировать. В глазах его она видела свое отражение, и казалось, что это какой-то бесконечный лабиринт, в котором легко затеряться.

Он смущенно улыбнулся и быстрым шагом пошел прочь. Метрах в десяти его ждал худощавый сероглазый Славка Зайцев. Его Лика узнала, знаменитый байкер, конструктор из группы печатных плат, его трюки на мотоцикле стали легендами, девчонки были от него без ума, Люба не раз рассказывала Лике о его геройствах.

– Э, батенька, да на вас лица нет. Что, ошалел от красивой фемини? Ты прав, мой юный друг, есть от чего ошалеть! – в восхищении бросил Слава, прищурился глазами. – Я бы тоже не прочь познакомиться. Ты хоть спросил, как зовут?

– Не юродствуй, Дон Жуан! – оборвал его Миша. – Лучше помоги папку найти. Шеф три шкуры спустит.

– Может кто и Дон Жуан, а у самого аж глаз дергается.

– Да у кого дергается? Что ты придумываешь?

– Я, мой юный друг, в таких делах большой специалист, так сказать, доктор сердешных наук. Так что мне можешь байки не сочинять. Запал, так и скажи.

– Славка, у тебя других дел нет? Лучше помоги мне! Может, сбегает на второй этаж, в приемную, может там папку оставили?

– Ладно, я сам сбегать, – проворчал Зайцев, – а ты пока в других местах посмотри.

Миша покачал головой. У Славки язык без костей и говорить он может что угодно, но на этот раз он был прав. Девушка и правда была хороша, необычайно хороша.

Миша быстро нашел причину, почему он раньше об этой девушке ничего не знал. Он сам только что вышел из отпуска, а девушка оказалась новенькой сотрудницей. Выяснить подробности ее личной жизни не составило труда – на заводе желающих поделиться подобной информацией было сколько угодно. Замужем, старше его на пять лет. Казалось бы, на этом можно было поставить точку. Но точка что-то упорно не ставилась.

Бюро технической информации находилось на том же этаже, что и их лаборатория, только на другом конце коридора. И теперь у Миши, кроме дел рабочих, было еще одно важное занятие. Он то и дело находил повод вылететь в коридор, чтобы лишним раз столкнуться с Ликой. А уж если надо было отнести что-то для перевода – он буквально выхватывал документы и несся передать их Лидии Дмитриевне, попутно бросив приветствие Лике.

ГЛАВА 5

На новогодний вечер, устроенный их подразделением за три дня до реального праздника, Лика собиралась в совершенно упадническом настроении. Пригласили всех сотрудников с семьями, но Толик заявил, что очень занят, готовится к ответственному докладу.

– Толик, но мы и так редко выходим куда-то, ну давай пойдем! Увидишь, с кем я работаю. Какие могут быть доклады перед Новым Годом?

– Лика, если ты не понимаешь, как мне это важно, то я ничего не могу сделать. Мне это намного важнее, чем какой-то там повод собраться и выпить. Неужели тебе так хочется идти в средней руки ресторанчик, да еще так далеко от дома, только ради того, чтобы потрепаться с теми, кого и так каждый день на работе видишь?

Лика замолчала. Занятость мужа вопросов не вызывала. Она уже несколько недель уходила спать одна, потому что Анатолий по полночи занимался, а утром отсыпался, благо творческий отпуск по поводу важного этапа в подготовке докторской позволял. Так они и жили – максимум час общения в день, да и то, нормальным общением это трудно было назвать.

– Как знаешь, а я пойду. Это мой коллектив, мне интересно и я обещала, – с неожиданной для себя решительностью произнесла Лика.

Толик лишь пожал плечами.

– Как хочешь.

– Ты не заедешь за мной?

– Лика, мне на это придется часа два потратить, ваш ресторан от нас в часе езды! Возьми такси.

– Одна, поздно ночью? Может, лучше у Любы переночую, она там рядом живет.

– Да, наверное, так лучше.

Толик вновь уткнулся в бумаги и напрочь отвлекся и от Лики и от ее вечеринки.

Она вошла в гудящий как улей ресторан и нерешительно остановилась в дверях. Любы еще не было, подсаживаться к Лидии Дмитриевне и весь вечер выслушивать ее нотации вовсе не хотелось. Миша, тот самый забавный парень, который постоянно искал повод пересечься с ней, смотрел на нее во все глаза и боролся с собственной застенчивостью. На его лице отражалось столько эмоций, что Лика не выдержала и улыбнулась. Он воспринял это, как сигнал к действию и вскочил со своего места.

– У нас за столиком как раз есть свободное место, если не возражаешь. Не возражаешь?

Он с мольбой заглянул в ее глаза, абсолютно безуспешно стараясь скрыть, как сильно ему хочется, чтобы она согласилась.

– Не возражаю.

Она прошла к столику, где сидели Миша, Слава, Кузьмин и Витя Алексеев с подружкой Наташей.

– Чуяло мое сердце, что сегодня день совершенно особенный! – многозначительно-церемонно произнес Слава. – Я так и знал, драгоценная Лика, что сегодня мне представится прекрасный случай познакомиться с вами поближе. И потому я прошу разрешения первый танец оставить для моей скромной персоны.

Миша метнул на него такой убийственный взгляд, что если бы от взгляда можно было бы упасть, Зайцев непременно свалился бы со стула. Но Слава и бровью не повел.

– Я с удовольствием потанцую с вами, Слава, но первый танец я уже пообещала Мише.

Миша совершенно не умел притворяться. По радостной широкой улыбке и потому как он вспыхнул от смущения, всем за столом стало ясно, какой приятной неожиданностью явились для него ее слова.

– Это несправедливо, но я в меньшинстве, – вздохнул Славка, делая печальное как у Пьеро лицо. – Выпьем, что ли, за Новый год, друзья!

Лица подняла фужер с красным вином. На душе уже было вовсе не так мерзко, близость обезоруживающе искреннего в своих чувствах паренька казалась такой естественной, словно так и должно быть. Его локоть касался ее руки, и она боялась шелохнуться. Разрядил обстановку неугомонный Кузя, он всех перепугал неожиданным выстрелом из хлопушки. Цветное конфетти, юркими снежинками кружась в воздухе, облаком накрыло праздничный стол и сидящих за ним. Все ахнули.

– Серега, ну ты и додумался! – выдал Славка, с тоской заглядывая в свой фужер, в котором плавали яркие кружочки.

– Так можно и инфаркт заработать! – засмеялась, Наташа, хватаясь за сердце.

– Последний кулинарный писк этого года – новогодний салат «Аля Кузя»! – вырвалось у Миши. – Дегустировать прошу с повышенной осторожностью!

– Извините, уважаемые господа и прекрасные дамы, неудачно рассчитал траекторию! – нисколько не смущаясь, отмазался Серега Кузьмин. – Могу повторить! У меня еще одна есть!

– Ради бога, не надо! Мы это еще не съели! – живо откликнулся Славка.

– Знаете что, пойдете танцевать! – предложила вдруг Лица и взяла Мишу за руку.

Они веселой гурьбой вклинились в пеструю сверкающую толпу танцующих. Над ними мелькали вспышки стробоскопа, взлетали извивающиеся как змейки ленточки серпантина, слепящие лучи цветных прожекторов вырисовывали на лицах, на потолке, какие-то волшебные радужные узоры. Лица не могла сдержаться и заливалась серебристым смехом, глядя, как по-разному и смешно танцуют ее новые друзья. У Миши движения больше напоминали «классику», так танцевали когда-то их родители, еще на заре появления «твиста» и «шейка»; танец Славки с непредсказуемыми смешными элементами и финтами больше напоминал собой стиль ушу, «школу пьяницы», чем современный танец; в движениях Наташи и могучего Виктора было столько откровенной восточной эротики, что оживился даже хлипкий Кузя, который делал отчаянные попытки подстроиться под их быстрый ритм, то бездарно изображая танец живота, то переходя на ламбаду. Танцы чередовались с различными шарадами, конкурсами, шутками, песнями. Вечер вели громогласный краснощекий Дед Мороз в красивой роскошной, сверкающей снежинками и звездами шубе, стучащий попадая и не попадая своим посохом, и высокая яркая Снегурочка. Чересчур накрашенная Снегурочка Лице сразу же не понравилась, уж больно та искусственно улыбалась и быстро тараторила без души, не чувствовалось в ее облике праздника зато Дед Мороз зажигал от души, сыпал шутками безостановочно.

Пока они за столиком, покатываясь от смеха, слушали анекдоты Кузьмина, который рассказывал их с такой непередаваемой свойственной только ему мимикой и дикцией, Славка умчался принимать участие в конкурсе. Вскоре он вернулся в видавшей виды шапке-ушанке почтальона Печкина, с трудом передвигая конечностями, капитально опутанный с ног до головы серпантинном. В руках у него были выигранные в честной борьбе призы, а может быть, экспроприированные у зазевавшихся соперников. Маленький пушистый белый медвежонок был тут же с намеком вручен Лице, а огромный надутый зеленый крокодил Гена – Наташе. Дамы были в диком восторге от преподнесенных подарков.

– За прекрасных дам мы уже пили! Предлагаю выпить за настоящих рыцарей! – выдал Кузя, разливая вино и с ехидцей взглянув на Мишу.

Люба явилась с большим опозданием и с удивлением обнаружила счастливую Лику в веселом обществе радиоинженеров. Что-то во взгляде Лицы, а может просто женское чутье, остановило ее от того, чтобы позвать Лику.

Медленная музыка закружила Лику с Мишей в танце, он держал ее за талию, словно хрупкую статуэтку, а она буквально парила, как легкая снежинка.

Они молчали. Просто не знали, о чем говорить. Наслаждались ощущением, переполнявшим их. Они протанцевали весь вечер.

Кузьмин Серега, впрочем, тоже получил свой танец, но быстро ретировался, получив под столом довольно чувствительный пинок от «рыцаря» Славки.

С грустью взглянув на часы, Лика почувствовала себя Золушкой.

– Мне пора, – тихо произнесла она.

– Я тебя провожу. Куда ты одна так поздно.

– Куда проводишь? – рассмеялась она серебристым смехом. – Я живу далеко отсюда, туда уже не доберешься. Ночевать буду у Любы, правда, она об этом еще не знает, пойду предупрежу ее, пока не убежала.

Он замолчал. Отпустить ее? Вот так вот просто отпустить, рискуя больше никогда получить такого шанса?

– А что, если...

Она ждала. Сама не знала чего, но ждала.

– Если ты пойдешь ко мне? Я здесь совсем недалеко живу.

Его взгляд обескураживал. Ни тени наигранности и флирта. Прямой, бесхитростный взгляд.

– А твои родители? Они... не будут против?

Он воодушевился. Голос зазвучал увереннее.

– Да у меня никого сейчас нет. Матушка с Катей уехала к сестре в гости. Я уже неделю один хозяйничаю.

– С Катей?

– Это сестренка моя.

Она улыбнулась.

– У меня тоже есть сестренка, даже две. Правда, они далеко.

– Скучаешь?

Она кивнула. Потом потрянула головой, отгоняя грустные мысли.

– А знаешь что? Пошли, – после некоторого раздумья согласилась она, взяв его под руку. – Люба уже ускакала с кавалером, как я смотрю, не ночевать же мне на улице.

Пока Миша искал в карманах ключ, Лика подошла на цыпочках к двери и прислушалась. За дверью подозрительно шуршали.

– Кто это у вас там? – шепотом спросила она.

Миша рассмеялся.

– Это Марфа, наша кошка. Сейчас я тебя познакомлю с ней. Только не гладь ее, она у нас дама с характером, не любит нежностей, чужим так вообще не дает к себе прикоснуться. Может запросто покарять.

Он повернул ключ.

– Ты проходи, не стесняйся, будь как дома.

Лика положила свою ладонь на его руку, все еще лежавшей на дверной ручке.

– Миш, только, пожалуйста, без глупостей. Договорились? Пойми меня правильно, я пришла к тебе, как к другу.

Он кивнул. Даже обиделся слегка. Могла бы и не предупреждать. Он что, похож на маньяка?

– Обещаю, что буду вести себя как джентльмен и держать себя в руках, – попытался сгладить обиду улыбкой.

Он открыл дверь, вошел и щелкнул выключателем. В ту же секунду навстречу им бросилась серая пушистая кошка с белым галстуком на груди. Она, не обращая внимания на гостью, мурлыча и подняв хвост трубой, стала тереться головой о Мишины ноги.

– Соскучилась? Загулял твой хозяин, все тебя бросили, да? – он подхватил кошку на руки.

Лица с любопытством наблюдала за ним. Ей нравилось, что Миша не скрывает своих чувств. Не гарцует перед ней эдаким мачо, не ерничает, не пытается играть не свойственные ему роли. Ей нравилась его естественность. Его прямота. В этом мальчишке гармонично сочетались мужество и немного детское прямотушие. За последние годы Лица так устала от чопорности и равнодушия в отношениях, что ее душа словно согревалась около этого очага искренности.

Она скинула пальто и сапоги и нерешительно прошла в гостиную, с любопытством окидывая взглядом все вокруг.

– Пить хочешь? Может, чаю?

– А у тебя перекусить чего-нибудь найдется? – неожиданно спросила она и смущенно улыбнулась.

– Ты читаешь мои мысли! Я тоже голодный как волк. И это называется, пришли из ресторана.

– Мы слишком много танцевали, наверное. Ты же не дал мне присесть ни на минуту.

– Ничего, сейчас чего-нибудь сообразим. Хочешь, быстренько яичницу сварганю!

– Не откажусь. А сможешь?

– Обижает! Я же заядлый походник, и в походах такие деликатесы готовлю! Пальчики оближешь. Пока никто не жаловался на мою стряпню. Наоборот, только положительные отзывы. Я поневоле уже подумываю, а не открыть ли мне крохотный ресторанчик.

Она недоверчиво засмеялась. На повара широкоплечий, подтянутый Мишка никак не тянул. В ее представлении повар должен непременно быть упитанным коренастым мужичком с внушительным пузом.

– А кто это у вас живописью увлекается? Отец? – спросила Лица, в изумлении уставившись на стену, на которой висело около десятка профессионально выполненных картин – в основном городские пейзажи со средневековой архитектурой, и несколько портретов молодой девушки с длинными золотистыми волосами.

– Нет, отец погиб.

– Прости, я не знала.

– Любовь к походам – это у меня от него. Когда-то он учился в МИФИ и со студенческой скамьи увлекался альпинизмом. В горах и погиб. Мне тогда было восемь, а Катюшке три. Погиб во время восхождения на один из семитысячников на Памире. Группе, в которую он входил, из-за снежной бури пришлось заночевать на одном из промежуточных лагерей. От переохлаждения он заболел пневмонией, которая на такой высоте развивалась стремительно. В общем, когда его больного товарищи спустили вниз, было уже поздно...

– Ты очень скучаешь по нему, да?

Лица легонько коснулась его волос.

– Бывает. Хотя я его плохо помню. Пойду жарить глазунью, – перевел он тему.

– А эти картины рисовал мой брат Артем, – продолжил он, выглядывая из кухни. – Вернее, правильно надо говорить, писал. Картины не рисуют. Их пишут. Настоящие художники, естественно. А кто халтурит, те, естественно, малюют.

– Он что, у тебя художник?

– Да, он был профессиональным художником. Окончил Художественную Академию с отличием, мама очень гордилась им. Учился в мастерской самого Ильи Глазунова.

– А почему ты говоришь в прошедшем времени, был?

– Он умер. Два года назад. Ему было двадцать три, когда его убили. Пьяные отморозки к нему в парке пристали, денег на бутылку у них не хватало. Черепно-мозговая травма. Неделю в коме находился. Так и не пришел в себя.

Ли́ка не знала, что сказать. Что-то слишком много преждевременных смертей отпустила судьба на семью Миши.

– Он замечательный художник. Прекрасные работы. Особенно пейзажи.

– Их он в Лондоне писал, когда ездил туда с любимой девушкой, – донеслось с кухни.

– Чувствуется, с любовью выполнены. Это ее портреты?

– Ага. Она тоже художница, художник-реставратор. Одно время в Питере работала в Русском музее. Талант, как говорится, от бога.

– Красивая.

– Была.

– Почему была? – Ли́ка удивленно вскинула брови, повернувшись к нему. – Ты меня пугаешь! Неужели тоже умерла?

– Да, можно сказать, умерла. Пьет по-черному. У них ведь свадьба должна была через месяц состояться. А тут такое случилось. Лечили, кодировали, ничего не помогает. Жалко ее. Такая у них любовь была. Сейчас в одном из рекламных бюро дизайнером подрабатывает. Но это не надолго. Наверняка выгонят за пьянку.

– Несчастливая девушка.

Миша отодвинул стекло серванта и достал из-за него небольшую цветную фотокарточку.

– Вот последняя их фотография.

На снимке были изображены смеющиеся, стоящие в обнимку, длинноволосый кудрявый парень и златовласая девушка, оба в потертых светло-синих джинсах с этюдниками через плечо. За ними виднелся Вестминстерский Мост и часть знаменитого «Биг Бена».

– Симпатичная была пара.

– Да, редкой красоты была у них любовь, – грустно сказал Миша, водворяя фото на прежнее место.

– А гжелью кто увлекается? – Ли́ка кивнула на коллекцию гжели, которой были забиты все полки на стеллаже и в стенке.

– Это матушка ни с того ни с сего начала увлекаться всякими народными промыслами, гжелью, жостовской росписью. Бзик у нее на эти штучки, хорошо чайники не собирает, а то – кранты. У нее подружка, Раиса Ивановна, самоварами, чашками и чайниками весь дом забила до отказа, ступить уже негде. Собирается музей чаепития открыть. Одних самоваров, наверное, штук сто.

– Куда ей столько?

– Ничего не попишешь, хобби!

Мама Миши, Надежда Васильевна, была женщиной с творческими пристрастиями. Несмотря на то, что судьба ее сложилась так, что возможности учиться специально науке искусства не было, и всю жизнь она посвятила семье, детям, ее любовь к красивым вещам, изящным поделкам, тонкой ручной работе вылилась в страсть к коллекционированию. Она коллекционировала предметы народного искусства, удачные репродукции, оригиналы, когда было возможно, но больше всего ее сердце прикипело к росписи на чем угодно – на фарфоре, жести, дереве, камнях. Она настолько заразила всех этим, что любой из членов семьи или знакомых, уезжая куда-нибудь, неизменно привозили пополнение к ее коллекции. Миша планировал однажды устроить настоящую выставку ее коллекции – любой музей позавидовал бы таким редким экземплярам. А в остальном она оставалась обычной любящей матерью, прекрасно справляющейся на кухне с пирогами и безумно любящей своих детей. После потери Артема она стала как-то бережнее относиться к Мише, словно инстинктивно боялась потерять продолжателя рода. Мишка отмахивался, стеснялся ее любви и заботы, но в душе обожал ее не меньше, чем она его.

– А у тебя какое хобби, если не секрет? – продолжала Ли́ка. – Я вижу в вашей семье у всех какое-то увлечение.

– Почему у всех? У Катки, например, ни каких. Ее ни рисовать, ни на фортепиано играть не заставишь.

Катя выросла единственной девочкой среди двух братьев. С Мишей разница у нее была в годах небольшая, и потому они частенько ругались и дрались из-за пустяков, особенно в раннем детстве. Зато с Артемом – другая история. Он являлся ее защитником, он был для нее и отцом и братом в одном лице, олицетворением мужского начала в их семье. Когда его не стало, Катя замкнулась, долгое время переживала, мать тоже переживала и не могла помочь дочери пережить тяжелый период. Потом Миша вызвал ее на долгий и открытый разговор, они поговорили и о детских обидах, и о братской любви, и о том, что теперь только они друг у друга остались, только они могут вместе преодолеть горечь утраты и облегчить матери ношу. Разговор возымел действие. И хотя Катя все еще иногда подтрунивала над братом, посмеивалась над его подругами или злоключениями в походах, все же они стали намного ближе друг другу, чем раньше. Она ничем особенно не увлекалась, в отличие от остальных членов семьи, зато тратила немало душевных сил на поддержание всеобщего настроения.

– Она у нас вроде семейного солнышка, – улыбнулся Миша.

– А ты?

– А я вроде вечного моторчика, все мне не сидится на одном месте. Турпоходы, гитара, песни, стихи – мое все.

– Интересно было бы послушать.

– Обязательно. Только вот, моя глазунья скоро превратится в черную подошву, так что сначала поедим.

Через пять минут на кухонном столе красовалась шкворчащая глазунья, помидоры и два бокала с пивом.

– За наш вечер!

– За вечер, – эхом откликнулась Лика.

Они проговорили еще около часу, пока Миша не заметил, что ее глаза буквально слипаются.

– Пора спать?

– Ты еще хотел на гитаре сыграть.

– Уже довольно поздно Соседи, как пить, разворчатся. Завтра непременно сыграю. Я постелю тебе у матери в комнате, там кровать широкая и мягкая, тебе будет хорошо. Дом у нас тихий, привидений не водится, вот только соседи иногда пошумливают. Сынок у них наркоман, бывает, такие концерты закатывает. Но ты не пугайся, я буду в соседней комнате, если что – зови.

Миша лежал в темноте, закинув руки за голову, уставившись в потолок. Спать не хотелось. Его переполнял восторг. Ощущение, что за стеной спала сама Лика, девушка его мечты, за которой он следовал по пятам столько месяцев, будоражило его мысли.

Вдруг он услышал чуть слышные приближающиеся шаги.

– Там за стенкой... кто—то стонет. Неуютно. Можно я с тобой?

Она бесшумно приподняла одеяло и юркнула в кровать, прильнув горячим телом...

О той ночи ни кто не узнает.
Тебя давно в комнате нет,
Лишь тень твоя продолжает
Порхать под дробь кастаньет.
Ночь пронесется, как птица,
Боясь нас оставить вдвоем,
Солнцем черкнув по лицам,
С отметиной в сердце моем.

ГЛАВА 6

Праздники в лаборатории проводили шумно и весело. У них даже сложилась своя традиция – за пару недель до предстоящего очередного события покупали клюкву, разминали в трехлитровой стеклянной банке и заливали спиртом. Начальник лаборатории, Лев Владимирович, был законченным трезвенником. Обычно он всех поздравлял с праздником, желал всяческих успехов и удалялся, давая коллективу возможность оттянуться по полной программе. За клюквенную настойку, как правило, отвечал ведущий инженер Ушаков. Он знал такое великое множество рецептов приготовления всевозможных диковинных настоек, что тягаться с ним никто и не пытался.

Борис Иванович Ушаков был одним из самых ценнейших сотрудников отдела, слыл настоящей ходячей энциклопедией. Эрудит он, и правда, был редкостный. Мог часами подобно Энди Таккеру распинаться на любые темы и давать ценные советы. Но была у него слабинка – любил человек заложить за воротник, посидеть в дружеской компании за теплым разговором. Раньше он работал ведущим экспертом в подразделении маркетинга. И ему частенько приходилось встречать и провожать гостей, заказчиков и партнеров по бизнесу. В его функцию входило на «дружественных симпозиумах» наводить мосты, т.е. оккупировать кого-нибудь из прибывших на встречу гостей и обрабатывать их, по ходу рекламируя продукцию предприятия и налаживая прочные деловые контакты. После проведенных конференций, семинаров, совещаний, выставок он раскладывал на столе собранный обильный урожай, горы визиток, сортируя их по какому-то только ему ведомому признаку. Но в скором времени ему пришлось оставить любимый маркетинг и перейти в лабораторию и заняться научной деятельностью. Причиной тому стали настойчивые просьбы его жены, она заметила, что муженек начинает потихоньку спиваться, усердствуя с налаживанием контактов.

Ушаков маркетинг оставил, а чуть позже вообще бросил пить. Причиной послужил грандиозный скандал, который ему устроила жена по поводу того, что он не ночевал дома. Как он не оправдывался, как не клялся, что ни говорил, она так и не поверила ни единому его слову. А случилось вот что. Как-то на уборке картошки в подшефном совхозе, куда были брошены лучшие силы отдела, он после застолья, последующего после трудового подвига, забрался на стог, где и уснул. Приехали автобусы, все погрузились и уехали в город, а про него забыли. Борис Иванович проснулся ночью от промозглой сырости, над головой на черном небе алмазами ярко поблескивали осенние звезды, вокруг – тишина. Пришлось ему добираться до дому свои ходом и на попутках, разве из деревни ночью уедешь? Вот и получилось, что дома он появился уже под утро, когда обеспокоенная жена успела обзвонить всех его коллег, милицию, больницы и морг. С тех пор он не пил, но клюквенную настойку все равно готовил для отдела регулярно, никому не доверяя сей тонкий процесс.

Ко Дню Защитника Отечества он приготовил, по его словам, совершенно божественный напиток. Уж так он рекламировал его, что у всех глаза только в сторону банки с ярко-красной жидкостью и косились. День Защитника Отечества в этом году справляли без женщин. Так уж получилось. Лаборантка Света не вовремя загрипповала, Ольга Викторовна уехала на несколько дней в гости к дочери и зятю-военному в Нижний Новгород, Любовь Николаевна отдыхала в санатории, а Луиза взяла отпуск ни с того ни с сего. Ольга Викторовна перед отъездом подошла к Мише и попросила его сделать к мужскому празднику стенгазету с поздравлением от женщин и вручить подарки, которые женщины приготовили заранее. Он ее заверил, что не подведет, что все будет «спок», как в лучших домах Лондона и Филадельфии. Пару вечеров после работы он усердно корпел над стенгазетой, вырисовывая портреты сослуживцев, подбирая стихи. Всех сотрудников лаборатории изобразил по периметру ватманского листа, а в середине нарисовал Юрку Варенникова, верхом на котором едут в колониальных

пробковых шлемах Белов и Лев Владимирович. С Юрца пот градом льется, а они посиживают да плетками-семихвостками подгоняют беднягу. Витьку Алексеева, изобразил, естественно, с фирменными лыжами, улыбающимся во всю ширь круглого лица, да еще приклеил ему золотой зуб, который сделал из бронзовой фольги. Отполировал его, чтобы сверкал как золотой. Меломана Иванкина изобразил сидящим на груди кассет и замотанного с головы до ног магнитофонными лентами, себя – заваленного микросхемами... Потом под каждым шаржем разместил четверостишия, которые удалось найти после долгих копаний в поэтических сборниках. Одним словом, всем досталось «на орехи». Но особенно, Белову, для которого Миша подобрал строки о меняющем свое мнение, как перчатки, персонаже.

Утром все сгрудились у стены, где висела стенгазета. Покатывались со смеху, читая стихи, умирали над карикатурами, и только Белов был необычайно серьезен, быстро отошел от стенгазеты и деловито стал перебирать бумаги на своем столе. Миша предусмотрительно не выдал своего авторства. Со стихами, как видно, он переборщил, Белов шутки не понял, обиделся. Слава богу, все сошло с рук, ведь это было женским поздравлением. Тихонов благодарил небеса, что женщин на празднике не оказалось.

Он вышмыгнул из комнаты и помчался в курилку, где Ушаков выдавал очередной перл собравшимся во время перекура мужикам.

– Вот такая со мной история произошла, братцы. Иду я как-то с работы, по дороге со знакомой одной столкнулся, тысячу лет ее не видел. Разговорились о житье-бытье, о детях. Дошли до перекрестка, остановились, прощаемся, ей прямо, мне налево. Мимо народ с завода толпой валит. И тут она видит – божья коровка ползет у меня по воротнику рубашки, она протягивает руку и смахивает ее. И что вы думаете? Кто-то увидел и решил, что стоят влюбленные, воркуют, а знакомая якобы мне ласково поправляет ворот, прощаясь.

– Да ладно вам, Борис Иванович, – усмехнулся Славка Зайцев. – Небось, дама – ваша тайная пассия, а вы теперь выкручиваетесь! Знаем мы эти истории!

– Да ты что? То и обидно – у нас никаких отношений никогда и не было! Так, слегка знакомы, как говорится, седьмая вода на киселе. Может, от силы пару раз за год столкнемся случайно на улице и все отношения. Доброжелатели слух о нас пустили, в любовники записали, не оттереться, не отмыться ни каким «Тайдом». Ладно, я мужик, а бабе каково, на фигу ей-то нужна такая слава. А старатели и до мужа, естественно, бабские сплетни донесли, нашептали на ушко. Дома разразился грандиозный скандалище. Чуть и мне не досталось.

– Что, поколотил?

– Почти. Возвращаюсь как-то вечером с работы, вдруг у подъезда ко мне подлетает ее муженек, весь красный, как кирпич, кипит как чайник, сам на бровях. Меня хват за грудки и давай трясти как грушу. Еле отбил, слава богу, соседи помогли. Он бугай будь здоров, бицепсы как у нашего знаменитого Турчинского, не меньше. Для него перекреститься двухпудовой гирей – раз плюнуть. Хрястнет по фэйсу, и поминай, как звали. Целый час ему, бедолаге, втолковывал, что между нами ничего нет, не было и быть не может. Его тоже можно понять, такое пятно на семейных отношениях лежит. Хоть разводись, хоть вешайся, не позавидуешь мужику. И врагу не пожелал бы в его шкуре оказаться.

– Ну и дурак ее муж, – вставил Миша Тихонов. – Что он, свою жену не знает? Всякой уличной грязи верит, а ей нет, получается? На фигу такой муж нужен?

– Эх, Мишка, ты еще жизни не знаешь. Иногда ревность так слепит, что весь разум затмевает.

– И все равно, вот вам он, Борис Иванович, незнакомому человеку, поверил, а ей нет, ну что за дурень?

– Ты давай женись, а потом будешь рассуждать, Мишель, – менторским тоном важно произнес Кузя, притушив сигарету. – А пока господа, пошлите дегустировать настоечку Борис Ивановича.

В лаборатории подготовка к торжеству была в полном разгаре. Юрка Варенников виртуозно резал колбасу и сыр. В отделе его за глаза называли «Человек-гора», это прозвище закрепилось за ним с легкой руки Кузи, который однажды, зайдя к ним в лабораторию, поинтересовался, куда подевался после обеда их могучий «Куинбус Флестрин». На вопрос, что это значит, Кузьмин им посоветовал повнимательнее читать мировых классиков, а в частности Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера». Оказалось, что так лилипуты называли главного героя, что в переводе с лилипутского означало «Человек-гора».

Покончив с колбасой Куинбус Флестрин, мурлыкая под нос: «Сердце красавицы склонно к измене...», принялся старательно выуживать ложкой из банок маринованные огурчики и соленые помидоры, которые в его огромных руках казались нереально микроскопическими. Долговязый Юрка Иванкин усердно возился в углу, настраивая свою музыку, Алексеев крутился рядом с термопечью, где доходила до кондиции картошечка. К их столу присоединилась и соседняя лаборатория в полном составе с единственной своей женщиной, Мариной Александровной, которой выпала ответственная миссия отдуваться за весь женский род обеих лабораторий. Она произнесла теплый тост и за ее слова подняли рюмки с крепкой клюквенной настойкой, которую Ушаков назвал почему-то «Кальмариус». Даме, конечно, налили токайского, не рискнули делиться крепким зельем, а кое-то из присутствующих старожилов после настойки перешел на чистый спирт, запивая рассолом или минералкой. Кузя, будучи в своем репертуаре, не переставая, сыпал анекдотами и прибаутками. При этом он старался не отставать от остальных ветеранов, лихо опрокидывал рюмку за рюмкой, добравшись и до спирта. Он уже поднес рюмку ко рту, как в этот момент дверь лаборатории широко распахнулась, и в помещение вошел начальник подразделения в сопровождении зама и профорга.

– Ну что, мужики, – церемонно произнес начальник, подняв предложенную стопочку. – Разрешите поздравить вас с праздником защитников Отечества. Многие из вас уже побывали в рядах нашей доблестной армии, некоторым еще только предстоит, в любом случае каждому из вас я хочу пожелать крепкого зд...

Он запнулся, прерванный чьим-то протяжным мычанием, и удивленно оглянулся. На другом конце стола Кузя, поторопившись хлопнуть стопку с чистым спиртом, а теперь задыхался и размахивал руками в поисках заветной банки с рассолом, которую кто-то на его беду убрал в сторону. Евгений Михайлович улыбнулся, вслед за ним грянул смех остальных.

– Дайте же ему скорее воды, бедолаге нашему, – покачал головой шеф. – Короче говоря, всем трудовых свершений, счастья и благополучия вашим семьям!

Он, не поморщившись, опрокинул стопочку фирменной настойки и удалился восвояси вместе со свитой. Кузя же сидел расстроенный, красный как рак, вытирая платком наворачнувшиеся на глаза слезы. Вечером Миша даже позвонил ему, проведать, не спалил ли тот горло с непривычки. Но Кузя – парень крепкий, к вечеру уже и забыл о происшествии.

ГЛАВА 7

Выходной выдался холодным и дождливым. Моросил нудный мелкий дождь. Весеннее небо было затянуто серыми рваными тучами. Они встретились как всегда – под аркой между домами. Долго стояли, обнявшись. Их жизнь превратилась в череду выходных. В рабочие дни Лика по-прежнему направлялась после работы домой. Анатолий ничего не знал и даже не подозревал, у него в самом разгаре шли апробации тезисов его докторской, он настолько погрузился в эту суматоху, что, казалось, ничего не замечал вокруг. Какое-то время он возмущался, что Лика стала совершенно равнодушна к его персоне, и свекровь его накрутила, капая ежедневно, что за жена такая, совсем мужу внимания не уделяет, не помогает, занята своими никому не нужными переводами и семью совсем забросила. Лика лишь пожимала плечами. Ей было удивительно, что они только сейчас почувствовали, насколько она им чужая. Ей-то это стало ясно уже давно, просто все казалось таким размытым, нечетким, как рисунки на песке после дождя. Она не понимала, отчего ей было так грустно. И скучно. Именно скучно жить. А вот с Мишей стало все понятно. Сразу. Ее не волновали вопросы нравственности. О какой нравственности может идти речь, когда любишь? В такие моменты только любовь кажется правой. Только к ней прислушивается сердце. Толик – холодный, чужой. Миша – родной, теплый. Все просто, больше этого ей не нужны были объяснения. В начале января она сказала Анатолию, что хочет уехать к маме.

– Зачем? – удивился он.

– Но как же, ты же сам говорил, что после праздников я могу к ней съездить.

– И надолго собираешься?

– На дня три. А может, на дольше. Тебе не кажется, что мы несколько выдохлись?

– В каком смысле?

– Не знаю, как объяснить... Ты спокойно можешь прожить без меня, а я – без тебя. Мы уже давно не вместе, тебе так не кажется?

Толик сморщил лоб. Он терпеть не мог выяснять отношения. И терпеть не мог сложности в семейной жизни. Он настолько был поглощен работой, что все остальные факторы воспринимались им, как дополняющие, но никак не основные проблемы, требующие его участия. К тому же, увидев расстроенное, но в то же время решительное лицо Лики, он вдруг испугался, что это не просто каприз, а серьезное решение.

– Лика, ну зачем ты так? Съезди на пару деньков, вернись, потом все обсудим. Ты просто соскучилась по маме, да? Поэтому и лезут в голову всякие нелогичные решения. Я не вижу никакой обоснованной базы для твоих слов.

Ее позабавило, что даже в такой ситуации он апеллировал научными выражениями. Он выглядел растерянным, озадаченным. Схватил свой спрей с сальбутамолом, прыснул, вдохнул. Он с детства страдал астмой, приступы, к счастью, случались довольно редко. Он знал о своем состоянии и всегда держал под рукой лекарство, пара вдохов – и приступ купировался, едва начавшись. Чаще всего приступы случались на нервной почве, перед важным докладом, перед испытаниями. Дома Лика видела его с баллончиком в руках крайне редко. Неужели наконец-то что-то пробило его, наконец-то он заметил, что его жена чем-то озабочена? Неужели огорчился? Даже испуг появился в глазах. Ей стало его жалко.

После возвращения от мамы разговора вновь не получилось. Анатолий попросил отсрочки – подождать до его защиты, потом что-то решать. Они превратились просто в людей, делящих одну жилплощадь. Иногда перекидывались парой слов, иногда даже ужинали вместе. Как друг Толик оказался куда более интересен, чем как муж. Когда она перестала ожидать от него внимания и нежности, она вновь увидела в нем умного, интеллигентного мужчину, всецело охваченного огнем науки.

Несмотря на негласный пакт о независимости, принятый между Ликой и Анатолием, афишировать свои отношения с Мишей она пока не решалась. Не хотелось оказаться вывалянной в грязи сплетен и ханжеских осуждений. Не хотелось ранить Толика преждевременно, не хотелось осложнять и так непростую жизнь.

– Я трусиха, да? – спрашивала она Мишу. – Я слабая, трусливая женщина, я не могу встать и громко заявить, что я люблю тебя. Я отчаянно трушу, за всех нас трушу, как оно все сложится?

– Замечательно все сложится, Лика. Я готов хоть сейчас украсть тебя у всех и объявить всему свету, как я тебя люблю.

– Знаю, милый. Но я не могу. Дай мне время. Дай мне время преодолеть страх и дождаться, когда все утрясется. Вот защитится Толик, и мы непременно все решим. Он хороший человек, не заслужил, чтобы я ему все испортила сейчас. Ты ведь понимаешь?

Миша не понимал. Но соглашался. Потому что с Ликой он не мог не согласиться. Он целовал ее в макушку и вдыхал аромат ее волос. И продолжал ждать воскресные дни, когда она убегала из дому «давать частные уроки английского языка». Погода редко баловала их. Они ждали настоящей, теплой весны, а она все не наступала, посылая вместо теплого солнышка серые дождевые тучи и холодный ветер.

– Ну, и денек выдался. Всю неделю ждешь, как праздника, а потом стоишь под дождем и не знаешь, что делать.

Миша обнял ее крепче, защищая от мокрого ветра.

– Что делать-то будем? Куда направим свои стопы?

– Не знаю, – отозвалась Лика, ежась от холода. – Вот уж правда – не везет нам с погодой. Может кто-то там наверху против нашей любви?

– Вот еще. Пусть только попробуют!

Миша погрозил кулаком небу. Лика улыбнулась.

– Может, ты и дождь остановишь своим кулаком?

– Нет, дождь не остановлю. А вот билеты в кино можно купить. Ты как?

– Не хочется. Снова слушать, как вокруг пакетами шелестят и чипсами хрустят. Уж лучше просто посидеть под аркой и послушать дождь.

– Целый день? Не окоченеет тут? Так, – оживился он, – знаешь что, давай-ка съездим к одному моему старому приятелю. Это интереснее и намного лучше, чем заработать насморк.

Он шмыгнул носом.

– Слышишь, я уже, кажется, подхватил.

– Не велика трагедия! – засмеялась Лика. – Не смертельно.

– Тебе не смертельно, а как я теперь буду наслаждаться твоими духами? Хорошо, что я не дегустатор, а то бы полный каюк! Помню, был один старый фильм про дегустатора, духи нюхал мужик, работа такая у него была. Во время скандала нос ему одна стерва поцарапала, и он из-за этого нюх потерял. Расстроился – ужас. Прямо как я сейчас.

Лика залилась веселым смехом:

– Какой дегустатор, Миш? Какой нюх? Нюх у собак! У людей – обоняние. И дегустаторы – это те, кто пробуют, а те, кто нюхают – нюхачи.

– Ну, пусть обоняние, хотя по-моему какая разница, – пожал плечами Миша, ничуть не смутившись. – Так ты тоже этот фильм видела?

– Еще бы. Мужика того, между прочим, мой любимый литовский актер играл – Юозас Будрайтис.

– Сильно любимый? Сильно-сильно?

– Еще чего не хватало – ревнуешь?

– Конечно. Даже к дождю ревную, потому что он все время на твоих губах капли оставляет.

Лица смотрела на него и в который раз удивлялась – как в нем сочетались простота и даже наивность с такой чуткой нежностью и романтикой?

– Не волнуйся, дорогой. Я тебя и с насморком люблю и никому никогда не отдам.

Она провела рукой по его щеке.

– Ты славный. Ты такой славный, Мишка. Я тебя так люблю.

– О, хвала Всевышнему! Он услышал мою мольбу!

– Слушай, я сейчас и правда простужусь. У тебя, кажется, появилась идея? Или передумал уже?

– Айн момент, сударыня! Где-то у меня был его телефончик, правда, тыщу лет ему не звонил, – Миша извлек из кармана записную книжку и стал ее перелистывать.

– Ага, вот он! Сейчас мы ему звякнем из «автомата». Он наверняка дома. Кирюха не любит нигде шляться, по характеру отпетый домосед. Так у нас есть все шансы.

Выйдя на улицу, они быстрым шагом дошли до ближайшего телефона-автомата. В кабинке стоял неприятный запах мочи.

– Вот, козлы! – выругался, морщась, Миша. – Троглодиты какие-то, другого места как будто нельзя было найти! Полнейший дебилизм! Хорошо хоть, трубку не оторвали, скоты!

Лица молчала. Она не любила, когда Миша ругался. Она вообще не любила жестких выражений и агрессии. Но представить Мишу без «что в голове, то и на языке» было невозможно. И она понимала, что стоит за этим, и не сердилась.

Миша разговаривал по телефону и смотрел через окно будки на одиноко стоящую под зонтом Лику. Она казалась хрупкой и абсолютно беззащитной. Он не настаивал на афишировании их любви именно по этой причине – он боялся за нее. За то, что она не выдержит напора злобной толпы. За то, что боль окажется для нее слишком сильна. И он соглашался мотаться, как подростки, по чужим квартирам, прятаться, скрывать, любить урывками, выманивать у судьбы счастливые моменты, лишь бы оградить ее от боли. Ему было мало дела до ее пингвина-мужа, только ради нее он был согласен ждать. Пусть сама решит, когда. Пусть сама подберет момент. Он просто будет рядом.

Он вышел и телефонной будки.

– Все в порядке! Кирилл дома! Ждет нас. Едем!

– Что, так вот просто заявимся с пустыми руками? Миша, как-то неудобно.

– Неудобно на потолке спать, а мы купим бутылочку хорошего вина, шоколадных конфет. «Кара-кум» – его слабость. Он, знаешь, такой сластена!

– Ты так хорошо его знаешь?

– Кирилла? Да с самого детства! Мировой парень, со странностями, конечно, немного.

Не такой как все.

– Что имеешь в виду?

– Увидишь. Но это все не важно. Главное, друг он надежный, а остальное – чепуха.

ГЛАВА 8

Кирилл действительно жил совсем близко. Им пришлось проехать всего три остановки и они уже оказались рядом с его домом. Поднялись на второй этаж. После тихого звонка, дверь им открыл высокий щекастый увалень в очках, Кирилл. Эдакий местный Гаргантюа. Он очень обрадовался встрече, долго тискал Мишу в своих могучих объятиях, потом его представили очаровательной гостье.

– Добро пожаловать в мою скромную берлогу.

Он выглядел немного смущенным появлением красивой молодой женщины и от того его движения были еще более неуклюжими.

– Проходите в гостиную, не стойте в прихожей.

«Берлога» Кирилла представляла собой просторную трехкомнатную квартиру, окнами выходящую на тихий сквер. Жил он здесь с бабушкой, родители его погибли в той самой страшной железнодорожной катастрофе 4 июня 1989 года под Уфой, когда из-за неисправности газопровода произошел взрыв. В эпицентре взрыва оказались два встречных поезда Адлер – Новосибирск и Новосибирск – Адлер. Миша заранее предупредил Лику, чтобы она не интересовалась родителями, воспоминания до сих пор были очень болезненными для Кирилла. Воспитание Кирилла легло на плечи бабушки, других родственников у него не было, кроме двоюродной тетки где-то на Алтае.

Кирилл провел гостей в просторную комнату, где в глубоком кожаном кресле дремал здоровенный полосатый котик. Комната была похожа на настоящий маленький музей, забита до предела дореволюционной мебелью, на стенах висели в рамках старые пожелтевшие фотографии начала века, у окна двухтумбовый письменный стол с массивной резной столешницей, с бронзовым чернильным прибором в виде двух тевтонских рыцарей, книжные шкафы, ломящиеся от старых книг.

Кирилл казался слишком большим даже для этой просторной комнаты, он стоял посередине и с предвкушением разглядывал коробку «Кара кума».

Лица улыбнулась. Еще один большой мальчишка. Такой же, как Миша. Немудрено, что они друзья.

– Вы вместе учились? Миша говорил, что знает вас с детства.

Кирилл вскинул голову, и очки сползли вниз. Он смущенно поправил дужку.

– Нет, учились-то мы в разное время. Я ведь постарше Миши, учился в одном классе с его братом, Артемом. Царствие ему небесное. Мы дружили с раннего детства. Не разлей вода – это было о нас. С детского садика, в одну группу ходили.

Артём... Наверное, был такой же романтик и мечтатель, как и его братишка, как и его друг. Лица медленно передвигалась по периметру комнаты, заморожено разглядывая каждую деталь. Обстановка напоминала ей дом ее бабушки, где все старинное бережно и с любовью хранилось, и истории о каждой вещице передавались из поколения в поколение.

– У вас тут как в настоящем музее.

Кирилл расплылся в довольной улыбке.

– Это все от прадеда осталось. Он у меня в царской армии служил, после Гражданской войны преподавал в военной академии. Потом репрессировали в тридцать седьмом как врага народа. Так и сгинул бесследно в сталинских лагерях. А вещи его остались. Это еще что! Из старинных вещей было много чего интересного, да в войну прабабушка за бесценок продала, тяжело было, голодали.

Она сделала два шага и оказалась около пожелтевшей от времени фотографии бравого военного в рамке, висевшей над черным кожаным диваном.

– Вот, он – мой предок, Владимир Васильевич, – горделиво кивнул Кирилл.

Ли́ка облокотилась на диван, чтобы поближе рассмотреть лицо человека, о котором до сих пор так много говорят неодушевленные вещи. Диван был древний, с валиками и кистями, таких уже не увидишь, только в старых фильмах. Над диваном на полочке стояла вереница белых слоников. Тех самых милых слоников, на которые когда-то давным-давно была мода, а потом их стали считать символом мещанства.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовалась Ли́ка.

– Кирилл – классный фотограф, – вклинился в разговор Миша, откупоривая бутылку вина.

– Ну, уж ты скажешь, классный. Обыкновенный, как все. Ни хуже и не лучше.

– Киря, хватит приbedняться! Скромнягу из себя изображать. Кирюха – современный Бальтерманц, не меньше. Я так считаю. Ли́ка, знаешь, сколько у него медалей со всяких фото-выставок и конкурсов? – Миша вскинул глаза на потолок. – Другим и не снилось.

– Сколько же?

– Мешок! Это я тебе без преувеличения говорю! Вот такой мешок и маленькая корзинка! – Миша развел руки.

– Очень интересно. Хотя верится с трудом.

Ли́ка смеялась. Он напомнил ей рыбака, хвастающегося своим уловом. Только Миша хвастался уловом друга.

– Ну, Мякиш, ты чего расселся? Давай показывай свои награды и регалии! Дама просит! – накинута на смутившегося и покрасневшего хозяина Миша.

Неожиданно из соседней комнаты послышался тихий голос.

– Кирюша! Кто к нам пришел?

– Бабушка, не волнуйся! Миша Тихонов со своей девушкой!

– Разве Ксения Карловна дома? – спросил удивленный Миша. – Что же сразу не сказал? Почему не выходит?

– Нездоровится ей.

– Я вас покину на минутку, – Миша поднялся из кресла. – Вы тут не скучайте без меня. А ты не сиди пнем, развлекай даму.

– Ксения Карловна, можно к вам заглянуть? – негромко спросил Миша, приоткрывая дверь в комнату бабушки.

– Заходи, мой дорогой, проведай старушку, – откликнулась Ксения Карловна. – Всегда рада тебя видеть, Мишенька.

Невысокая худенькая пожилая женщина лежала на высоко взбитых подушках. Седые тонкие косички были аккуратно сцеплены на затылке, на ней была голубая блузка с вышитыми цветами у ворота, оттеняющая ее бледное лицо. Рядом на тумбочке стояла кружка с чаем и баночка с вареньем. В комнате пахло корвалолом.

– Что с вами? Просто не узнаю вас, всегда такая цветущая, бодрая, а сегодня что?

– Приболела немного, Мишенька. Погода сырая. Ноги разболелись. Лежу вот, читаю. Кирюша ванночки мне с травами делает.

– Вы уж поправляйтесь, берегите себя.

– Да ничего, старость, что поделаешь. Никуда от болезней не денешься. Ничего, Мишенька, и это пройдет. Ты-то как? Рассказывай, как живешь? Как мама, Катюша?

– Все здоровы, слава Богу, спасибо. Мама вам всегда привет передает.

– А ты? Все хорошо?

Ксения Карловна с одного взгляда могла определить, что с ним твориться. Жизнь этих мальчишек проходила у нее на глазах, от горшков до мотоциклов, от детских слез до взрослых сердечных страданий.

– Все хорошо, Ксения Карловна. Лучше не бывает. Только вот за вас расстроился.

– Ерунда, Мишенька. Мы, старики, уже не обращаем внимания на свои болячки. Мы живем вашими радостями. Вот вижу блеск в твоих глазах – и мне уже лучше.

Она протянула руку с прозрачной кожей и погладила его. Вот и Мишенька влюбился. По-настоящему, по-мужски. Хорошо-то как.

Пока Миша общался с бабушкой, Кирилл провел Лику в свою фотолабораторию и показал коллекцию наград. Оказалось, что Миша не так уж и преувеличивал – коллекция на самом деле поражала разнообразием. Кубки, медали, статуэтки. Лика переводила взгляд с одной награды на другую, внимательно читала надписи, пытаясь представить, что стоит за каждой из наград, какая история, какие люди. За ними в фотолабораторию увязался доселе дремавший мордастый кот. Он проявлял к гостье неприкрытый интерес и не отступал ни на шаг. Бесцеремонно запрыгнул на проявочный стол, где стал прохаживаться, крутя перед гостьей пушистым хвостом, внаглую демонстрируя свои мужские достоинства. Лаборатория располагалась в довольно просторной комнате. Помимо нескольких импортных увеличителей и проявочного и монтажного столов, был еще оборудован небольшой съемочный павильон, со светильниками и мутиблицами. Доморощенный проявочный стол представлял собой какого-то сказочного монстра, состоящего из мудреных механизмов, всевозможных колесиков, проводочков, самодельной электроники, резиновых трубок... От него поверху через всю комнату к окну протянулась толстая кишка, сооруженная из пластиковых бутылок, играющая роль вытяжной вентиляции.

– Кыш, Филимон! Кыш! Кому говорю! – сердито прикрикнул на кота Кирилл, и, размахнувшись, дал ему подзатыльник. – Обнаглел в конце, полосатый. Брысь отсюда! Сейчас все на пол спихнешь! Брысь, кому сказал!

Схлопотав увесистую затрепину, обиженный кот стремглав слетел со стола и побежал в комнату Ксении Карловны жаловаться на молодого хозяина и искать утешения.

– Какой красивый кубок.

– Который?

– А вон тот, что выше остальных стоит. С ленточкой.

– А-а-а, этот. Один из самых памятных. Я получил его в фотосалоне в Макао за лучший женский портрет. Называется кубок – «Фотопринцесса».

– Достоин своего названия.

– А вот эту бронзовую медальку на биеннале в Реусе в Испании... Это самая дорогая награда, потому что самая первая.

Кирилл вдохновенно рассказывал об истории призов. Будто заново проживал моменты, связанные с ними. Лика с интересом слушала, мир фотографов, и вообще творческих людей, был незнаком ей, она привыкла к миру науки, миру исследований, испытаний, статей и диссертаций, привыкла к миру многообразия разных языков, филологии. Оказаться в мире творческого человека было интересно и захватывающе.

Спустя некоторое время к ним присоединился и Миша.

– Ну ты, брат, настоящий Кулибин, – выдал он, с любопытством рассматривая конструкцию проявочного стола. – Необходимо написать письмо великому очумельцу Андрею Санычу Бахметьеву, чтобы присвоил тебе звание «Заслуженного очумельца России».

– Голь на выдумки хитра, – отшучивался смущенный Кирилл. – Ладно, пойдемте чай пить, нечего вредными парами фотохимии дышать.

Вернулись в гостиную. Миша с Ликой, обнявшись, расположились на старинном диване под мирно шествующими слониками. Кирилл, пододвинув к ним журнальный столик, отправился на кухню заваривать чай.

– Ну как?

Миша нежно прикоснулся губами к ее виску.

– Что как?

– Лучше, чем под дождем торчать?

Она энергично кивнула. Собралась что-то сказать, но тут появился Кирилл с красивыми китайскими чашками на подносе и заварочным чайничком. Миша вскочил, принимая у него поднос.

– Хорошо, что предварительно позвонил, а то бы я «злую собаку» спустил.

– С чего это ты таким суровым стал? Кто тебе не угодил? Признавайся, Бальтерманц чертов!

– Да, замучили в конец. Повадились тут всякие бабки да тетки ходить, сектантки, черт бы их побрал. Задолбали своими незваными визитами. От работы отвлекают звонками в дверь. Как-то звонят, открываю, смотрю, две тетки стоят. Спрашиваю, что вам угодно, сударыни. Говорят мне, вы, не хотите ли лучше узнать Библию и протягивают мне какие-то книжонки. Я аж закипел от гнева, у меня в лаборатории фотка одной знаменитой киноактрисы в растворе купалась, за ней пригляд да пригляд нужен, а тут всякие бестии мне мозги запудривают. Ну, думаю, ладно. Будем бить врага его же оружием. Спрашиваю, мило улыбаясь, а вам, уважаемые дамы, самим-то все понятно и ясно в святом писании. Отвечают, о да. Хорошо, говорю, тогда ответьте мне вот на такой вопрос: «Кто помог Давиду пробраться в Гекхильский лагерь, где он похитил у Саула его алебарду и сосуд с водой? Чьего брата он назначил главнокомандующим своей армии?». Они и обалдели. Я им еще парочку вопросиков на засыпку. Ну и посадил их в большущую лужу, уж что-что, а Библию-то я с детства часто полистывал. Помнишь, Миш, ту самую с ятями, в кожаном футляре, что от прадеда моего еще осталась. Вижу, им уже явно не до визита, как бы побыстрее от позора ноги унести. А меня понесло, не остановишь, их не отпускаю, продолжаю ликбез в том же духе, напирая на них...

– И чем же ваша дискуссия окончилась? – полюбопытствовала Лика, пригубив терпкого вина.

– Кончилось, дорогая Лика, тем, что эти старые мымры теперь, при виде меня, шарахаются, как от прокаженного. За километр нашу квартиру обходят. Я бабуле так и сказал, если появятся снова, гони их в три шеи.

– У моих соседей, тоже аналогичная история случилась, – вставил Миша. – Четыре года назад сын у них женился. Предки-бедолаги из кожи лезли, гробились на садовом участке, торговали на рынке, чтобы молодым квартиру купить, обустроить. Фуф, наконец-то купили. Двухкомнатную. Тут и внучок у молодых появился, милое создание. А недавно встречаю тетю Полю, она вся в слезах, в шоке. Спрашиваю, что случилось, Полина Семеновна. Оказывается, молодые спутались с сектой, обменяли свою шикарную квартиру на однокомнатную, а деньги – в секту. Представляете, вот такой сюрпризик отмочили! Папашку от такого известия, естественно, Кондратий посетил. До сих пор оправиться не может.

– Этим только слабинку покажи. В момент руку оттяпают. Главное, словно чувствуют, где у кого какое горе. Тут же начинают виться перед дверью.

– Кирилл, да черт с ними, с этими тетками. Лучше расскажи про свои приколы. Про медаль расскажи.

– Да, чего там рассказывать? Нечего особенного. Дела минувших лет.

– Давай, давай, не скромничай.

– Ладно, слушайте. Было это года два назад под Новый год. Сажу дома и вдруг в голову гениальная мысль стукнула, а не разыграть ли мне дружка своего, Володьку Королькова.

– Тот, который фотографией увлекается?

– Ну да, который частенько ко мне заглядывает. С ним мы в добрые старые времена в областной фотоклуб хаживали. Вот сажу и думаю, чтобы такое придумать, чтобы он надолго этот Новый год запомнил. И придумал. Решил ему из Испании письмо послать, будто он завоевал там, на международной выставке, медаль. Порылся в своих архивах, нашел какую-то фотографию из его коллекции, отрезал кусок от нее и на обороте написал набор испанских слов,

какие попались в одном из каталогов. И в тексте указал два слова: «bronse» и «medal». Подписал: «президент Международной фотоассоциации ФИАП Фаустино Мелья». Потом вложил фотку в почтовый конверт и наклеил кубинскую марку, слово «Куба», конечно, оторвал, чтобы не смущало. Нарисовал на резинке шариковой ручкой штемпеля и отпечатал на письме. Перед Новым годом бросил послание Королькову в ящик. День жду, два жду, три жду. По нулям, адресат на письмо не реагирует. Что за черт? Я уж весь испереживался, места себе не нахожу. Празднику не рад. И вдруг поздно вечером на третий день раздается телефонный звонок, звонит Володька и возбужденным голосом заявляет, что у него срочное дело ко мне.

– Приходи, обсудим, отвечаю ему.

– А у тебя словарь испанско-русского нет?

– Нет, есть англо-русский, итальянско-русский, французско-русский. А вот испанского нет, отвечаю. А зачем тебе?

– Да тут письмо надо перевести. Ну, ничего завтра на работе переводчицу попрошу.

Через десять минут вновь звонок.

– Знаешь, у меня дома переводчик нашелся.

– Кто же.

– Жена перевела. Тут написано про бронзовую медаль.

– Володька, ну ты даешь! Поздравляю! Молодец!

Утром Корольков ко мне в офис примчался весь взмыленный, сияет как медный самовар, улыбка до ушей.

– Представляешь, я медаль на выставке в Испании получил! – вопит как оглашенный с порога.

– Какую еще медаль? – делаю вопросительную мину.

– Бронзовую!

– А, мы разве посылали в Испанию фотки? – невозмутимо спрашиваю его. – Что-то я не припомню.

– Я тоже не помню! Но, наверное, посылали, раз пришло оттуда письмо! – отвечает Корольков.

– Странно.

– Вот читай! Брон-зе ме-дал!

– Небось, всем уже растрепался на работе, что медаль завоевал?

– А то как же? Вот после обеда к переводчице схожу, пусть подробно переведет, что там написано.

А я ему и говорю:

– Вольдемар, у тебя как с чувством юмора?

– А, что?

– Мой тебе совет, не ходи к переводчице.

И тут, ошалевший от славы, Корольков, взглянув на меня, наконец-то все понял.

– Разыграл, да?

– Угу.

Корольков сник, конечно, но потом взял себя в руки.

– Спасибо, что сказал. А то представляю, как бы переводчики ржали над этой абракадаброй.

– Ты, что же, письмо только на третий день прочел?

– А мы говорит, с женой все праздничные дни дома сидели, никуда не выходили. Вот только вчера вечером спустился почту посмотреть, а там заграничный конверт.

– По шее от Королькова не получил за такую шутку? – спросил Миша.

– Наоборот, он мне был даже благодарен. Всю ночь, говорит, не спал, себя знаменитым человеком чувствовал.

– А потом мы уже с Володькой вместе подшутили над нашим председателем фотоклубом, Александром Ивушкиным. Он из себя вечно корчил эдакого крутого профи, великого фотохудожника. Написали ему письмо от председателя Федерации фотоискусства Рудольфа Крутицкого, что, мол, за выдающиеся заслуги ему присуждается высокое звание заслуженного фотохудожника России. Так он с этим письмом носился месяц, хвастаясь, всем кому ни попадя его показывая. А потом Корольков как-то и говорит: «Давай Ивушкину правительственную телеграмму пошлем».

– Какую еще правительственную? – спрашиваю.

– Настоящую правительственную, на фирменном бланке.

Оказывается, у Володькиного отца друг детства занимал какой-то большой пост в верхах, в правительстве, и на праздники имел привычку присылать правительственные телеграммы с поздравлениями. Будь то день рождения, или 23-е февраля, или Новый год. На бланке так и было написано большими буквами «правительственная». Корольков приволок одну из старых телеграмм, отодрали старый текст, отпечатали на машинке новый, вырезали полосками, наклеили на бланк. А написали следующее: «Встречайте. Проездом на Международный фотографический форум. Поезд такой-то. Крутицкий».

Санька Ивушкин, который в то время вращался при «Белом доме» в роли «придворного фотографа», пробил машину, заказал гостиницу, на крыльях помчался на вокзал. Потом всем рассказывал, что битый час бегал вокруг пассажирского состава, прошерстил все вагоны, но так председателя и не встретил. Наверное, тот не смог приехать. Мы же с Володькой чуть ли не покатывались со смеху, дело-то было первого апреля.

– И не боитесь вы так шутить? – покачала головой Лика. – За такое и поколотить могли.

Кирилл уже несло, не остановить. Вдохновленный эмоциями на Ликином лице, он сыпал историей за историей.

– Послали нас в совхоз помогать. Зашли как-то от нечего делать в правление, а там, на подоконнике, какие-то бланки лежат стопкой. Взяли, заполнили и отослали знакомому парню, который в заезде перед нами был, написали, что он должен совхозу уйму денег. Если в такой-то срок не рассчитается, его имущество будет арестовано. После совхоза встречаю жертву, спрашиваю, как наша шутка удалась. А он отвечает: «Какая еще шутка?». Я ему проясняю ситуацию. А он и говорит, что уже год не живет по тому адресу, там мать его обитает одна. Хорошо, что вовремя сказали, а то бы ее Кондратий бы точно стукнул от такого известия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.